

Валерий Еремеев

ТРЕМОРИАДА

Валерий Еремеев
Тремориада (сборник)

«Э.РА»

2012

Еремеев В. Г.

Тремориада (сборник) / В. Г. Еремеев — «Э.РА», 2012

Валерий Еремеев родился в 1974 году. Мурманчанин. Моряк с 19 лет. В конце 90-х начал писать тексты песен для местных рок-групп. «Тремориада» – первая книга автора. Её жанр, как говорит он сам, «хмельная комедия и посталкогольный кошмар». Первая глава (Тремориада) была написана ещё 1999 году, после предложения солиста рок-группы написать «чего-нибудь про него». Так появился рассказик «Будь проклято это солнце!» Следом были написаны и остальные рассказы, составляющие первую главу книги. Затем «Тремориада» пролежала в столе более десятка лет, пока автор не вернулся к ней, поняв, что это было только началом истории. Автор благодарит за помощь: Куликова Сергея (Борода); Котуза Александра (Альхин); Татаренко Алексея (Лёлик); Майковского Андрея; Кузнецова Сергея; Алексея Амосова; Лию Литвинову; Ирину Колотуша; Ольгу Дресвянкину (Трулялянская); Татьяну Емельянову. И Ольгу, включавшую Бетховена.

© Еремеев В. Г., 2012

© Э.РА, 2012

Содержание

ТРЕМОРИАДА	5
1	5
2	12
3	16
4	26
5	29
ТРИ ИЗ ТЫСЯЧ	31
I	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валерий Еремеев

Тремориада

ТРЕМОРИАДА

*Тремор (лат. tremor – дрожание) – ритмические, колебательные движения конечностей, головы, языка и т. д. при поражении нервной системы; может быть наследственным.
(советский энциклопедический словарь)*

*Летят перелётные птицы
Ура! Наконец-то весна!
Придурок, пить надо меньше –
Сентябрь, уж осень пришла.*

Посвящается моим друзьям.

1

БУДЬ ПРОКЛЯТО ЭТО СОЛНЦЕ!

Будь проклято это солнце! Оно меня ослепит, оно изжарит меня живьем. Хотя, скорее, чем это случится, я упаду. Я буду лететь вниз и кричать, пока передо мною мелькают окна, пока серый асфальт, увеличиваясь, не вырастет до размеров вселенной, пока кроме него ничего не останется в этом мире.

Черт, даже не знаю, зачем мне понадобилось карабкаться вверх по стене этого дома. Кажется, я лезу уже целую вечность, и целую вечность светит... нет, слепит и жарит это долбаное солнце. Из-за него не видно крыши, перед глазами лишь кусок стены, усеянный мелкими камушками, за которые, срывая ногти, цепляюсь пальцами рук и ног. Такие стены бывают у девятиэтажек, но мне кажется, что я карабкаюсь намного дольше. Посмотреть вниз? Нет! Уж лучше ослепнуть от этих раскалённых добела лучей, лучше вообще больше ничего и никогда не видеть, чем хоть мельком сейчас взглянуть себе под ноги.

От холодного пота рубаха липнет к спине... Холодного! Чёрт, да я ведь жарюсь живьём! Во рту пересохло, язык наждачной бумагой царапает небо, губы потрескались и кровоточат. Господи! Вразуми идиота: откуда холодный пот? Разве мясо в духовке покрывается холодным потом?

Надо ползти, хоть по чуть-чуть, но вверх. Только не стоять (скорее – не висеть) на месте. Но как страшно оторвать от стены руку или ногу! Я словно прирос к ней и в тоже время чувствую, что в любой миг могу сорваться и полететь вниз, к раскрывающему навстречу мне свои асфальтированные объятия тротуару. С чего это я вообще возомнил себя человеком-пауком? У пауков должны быть лапки, а не ноги; и, коль не имеешь лапок – изволь ходить по земле. По стенам пусть ползают те, у кого лапки.

Так, всё, меня определённо нужно спасать. Кому станет лучше, если я разобьюсь? Детишкам, играющим в Чужого против Хищника? А что: вправдашний труп, да ещё мозги по асфальту. Это как раз то, что нужно, чего так не хватает: никакой бутафории – реальная кровь, можно даже потрогать... можно даже попробовать! Да, детишки только обрадуются моей смерти. Кто ещё? Старушки, сидящие на лавочке у подъезда. Недаром говорят: что стар – что

мал. Ну, что им, мало того, что я забрался на эту стену? Они же и так теперь об этом смогут говорить с полгода без умолку! Нет, им нужен непременно труп: чтобы история имела остроту, чтоб у неё была особая изюминка. Ну, что за кровожадный народ? То ли дело – я. Разве я рад буду разбиться, да так, чтоб мозги по асфальту? Нет! Я не такой. Разве ж можно назвать такое хеппи-эндом? Никак нельзя. А ведь я так люблю, когда со мной случаются хеппи-энды...

Эх, надо что-то делать. Буду орать.

– Пожар! Пожар! – кричу во всё пересохшее горло.

– Заткнись, придурок! – рявкнул кто – то слева и повыше. От неожиданности вздрагиваю, мокрые от пота пальцы чуть не срываются с мелких камушков.

– Нажрался и орёт. Делать больше нечего?

Поворачиваю голову в сторону злобного и до боли знакомого голоса. В двух метрах от меня из открытого окна торчит чья-то голова. Черты лица не разглядеть: проклятое солнце светит так, что ломит глаза.

– Я просто хочу привлечь внимание пожарных, – оправдываюсь дрожащим голосом. – Видите ли, у меня тут возникло затруднительное положение... Конфуз, так сказать вышел: полез на крышу, да так и застрял здесь. Не могли бы вы вызвать пожарных, чтобы они сняли меня отсюда? – заискивающе смотрю на голову, и в тоже время шурюсь от солнечных лучей: кто же это такой?

– Делать мне больше нечего! – сердито бурчит он. Похоже, ему понравилась эта фраза.

И тут мне приходит гениальнейшая, в своей простоте, мысль.

– Тогда давайте – я к вам в окно залезу. Это же лучше, чем карабкаться до самой крыши.

Голова молчит, а, как известно: молчание – знак согласия. С трудом отрываю левую руку от стены и переносу её в сторону. Затем, затаив дыхание, аккуратно передвигаю левую ногу. Уже не чувствую страха. Страх – это ничто по сравнению с обуревающим меня сейчас ужасом. И, как ни странно, виновата в этом появившаяся надежда. Вот оно, спасение – рукой подать; вот он, чёрный квадрат окна в пылающих лучах солнца. Но ведь до него ещё надо добраться! Спасение так близко, но одно неверное движение и... Меня затрясло. Руки и ноги сделались ватными. Упершись лбом в остроугольные камушки на стене, я начал глубоко вдыхать и выдыхать горячий воздух. Главное – успокоиться, быть сосредоточенным и спокойным, спокойным и сосредоточенным...

Наконец удалось совладать с дрожью, пальцы вновь крепко держатся за стену. Так, хорошо. Потихоньку начинаю двигаться. Хоть очень медленно, но всё-таки приближаюсь к окну. Вдох-выдох – передвигаю руку, ногу. Скоро, ещё чуть-чуть... Наконец, хватаюсь пальцами за раскалённый жестяной карниз. Начинаю подтягиваться и поднимаю лицо вверх. Сквозь щёлочки закрытых век пытаюсь рассмотреть своего спасителя. Никак. Вижу только контуры головы, мне они кажутся опять-таки знакомыми. Открываю глаза шире.

– А-а-а! – Их обжигает, я слепну.

– Делать мне больше нечего! – истерично взвизгивает мой спаситель. И окно захлопывается перед самым моим носом.

– Не-е-ет!! – кричу я, что есть силы. – Нет! Открой! Нет! Нет!! – Чувствую, как из незрячих глаз текут слёзы. – Нет, нет... – уже не ору, а всхлипываю я. Наконец, разжимаю пальцы и поворачиваюсь на бок...

НА БОК?! Я же падаю! Рвусь вперёд и ударяюсь лбом о гладкую стену. Пальцы не находят остроугольных камушков. Передо мною – стена, покрытая обоями. Ложусь на спину, в глаза ударяет яркий свет настольной лампы.

– Будь проклято это солнце, – произношу я шёпотом. Голова гудит похмельным набатом. Сажусь на кровати. На мне одета «косуха», ноги накрыты пуховым одеялом. Провожу ладонью по пересохшим губам. Они потрескались, но не кровоточат, как было во сне. Рукой вытираю выступивший на лбу, действительно холодный, пот. Скинув с себя одеяло, потихоньку встаю.

Подкатывает тошнота, сдержать её удаётся еле-еле. Как это я завалился спать одетый, даже ботинки не снял? Подхожу к двери, обклеенной старыми, ещё советскими рублями и, толкнув её, прохожу из спальни в зал.

– О-о-о! – вырывается из моей груди стон. Кажется, что стонет душа.

Возле кресла стоит табуретка, заваленная всяким дерьмом. Тут и миска с застывшимпельменным бульоном, и растерзанный до неузнаваемости труп леща, пустая консервная банка из-под неизвестно чего, грязные вилки и ложки, рюмки, искусанные ломтики чёрного хлеба и чёрт знает что ещё. Как это всё на ней уместилось? Хотя, уместилось, конечно же, не всё... На полу валяется перевёрнутая пепельница, сделанная в виде человеческого черепа. Окурки и пепел усеивают палас. Кругом валяются пустые бутылки. Возле телевизора лежит механический будильник. Я подымаю его: стекло отлетело, стрелка, отсчитывающая часы, куда-то пропала.

– Друзья, мать их... – зло процеживаю сквозь стиснутые зубы, вспоминая, как вчера один из них уронил будильник с телевизора. Ставлю часы на место и обхожу поломанный стул.

– А! Сука! – наступив на валявшуюся деревянную ножку и чуть не упав, кричу я. В бешенстве пинаю её, и она, пролетев пару метров, врезается в строй пустых бутылок. Три падают, а одна – пивная – разбивается вдребезги.

Необходимо успокоиться. Главное – не сидеть в полной тишине. Иду к магнитофону, в него со вчерашнего дня вставлена кассета. Нажимаю «воспроизвести», и через мгновение стоваттные динамики взрываются оглушительным рёвом гитар и грохотом ударных. Выкрикивается единственное: «хрен ли!» и... музыка резко обрывается. Комната вновь погружается в тишину, слышны лишь тихие шумы мотающейся, не записанной плёнки. Ошалело смотрю на магнитофон – опять слушали музыку ночью. Ничего не помню... Заранее убавляю громкость и переворачиваю кассету. На этот раз музыка не бьёт по ушам, колонки работают негромко. Подхожу к зеркалу, висящему на стене, – в нём я отражаюсь по пояс. Ну и рожа... Распушенные, длинные волосы перепутаны и висят безжизненным париком, покрасневшие глаза блестят, лицо опухло.

– Ты кто? – спрашиваю у отражения. Оно в унисон повторяет мои слова и умолкает вместе со мной. – Я – Иннокентий.

Поглядев ещё немного на себя, усмехнувшись, говорю:

– Паршиво выглядишь, брат Иннокентий.

И иду через коридор в туалет. Кран почему-то ностальгически нависает над тем местом, где год назад была разбита раковина. Скидываю «косуху» на пол и поворачиваю кран в положение «над ванной».

Открываю холодную воду и принимаюсь умываться. Лицо словно азотом обжигает, и это хорошо. Пить! Жадно прильнул губами к крану. Ох, здорово! И... тут же кидаюсь к унитазу. Тошнит... Выворачивает! Я извергаю какую-то дрянь неопределённого цвета. От её вида и вони меня вновь рвёт. Чтоб я ещё пил – да никогда! Умывшись, пошатываясь от накотившей слабости, бреду в комнату. Выключаю магнитофон: захотелось тишины. Вновь подхожу к зеркалу. На этот раз, вроде, выгляжу чуть получше, хотя всё равно хреново. Присматриваюсь внимательнее и... у меня появляется ощущение, будто я смотрю на самого себя. То есть на себя реального, находящегося по ту сторону зеркала, а здесь – лишь моё отражение. От этой мысли голова начинает кружиться. Делаю глубокий вдох... Или это он, там, делает глубокий вдох, а я только повторяю за ним? Мороз по коже, меня начинает трясти. Я резко отворачиваюсь и подхожу к табуретке. В одной из рюмок осталась водка. Дрожащей рукой беру её и выпиваю залпом. Горло обжигает. И что за чушь лезет мне в голову?.. Отражение не может пить настоящую водку! Подымаю с пола довольно-таки приличный окуроч, и прикуриваю от зажигалки.

– Ты кто? – раздаётся сзади тихий голос.

Вмиг ослабевшие пальцы теряют зажигалку, и та падает на грязный палас.

– Я – Иннокентий, – продолжает голос.

Медленно поворачиваюсь и, как загипнотизированный удавом кролик, на ватных ногах мелкими шажками иду к зеркалу. В нём – я, только что проснувшийся, усмехнувшись, говорю:

– Паршиво выглядишь, брат Иннокентий.

По идее, сейчас отражение должно повернуться и уйти в ванну, но оно остаётся на месте и внимательно следит за мной. Вот я и у зеркала, но в нём не появляюсь я теперешний, как хотелось бы думать – реальный.

– Ты кто? – опять спрашивает отражение. И мы одновременно, вдвоём отвечаем:

– Я – Иннокентий.

Окурок выпадает из моих губ. Чувствую, как на затылке буквально шевелятся волосы. Отпрыгиваю назад, и моя нога попадает на валяющуюся бутылку. Теряю равновесие и, крутнувшись и размахивая руками, падаю лицом на угол табуретки. Хрясть! Вспышка перед глазами. Валюсь на пол, увлекая за собой импровизированный, так сказать, стол. На меня сыплется всё дерьмо, находящееся на нём. Миска бьёт по голове, и волосы намокают от пельменного бульона.

– Паршиво выглядишь, брат Иннокентий, – раздаётся насмешливый голос. Приподымаюсь на локтях и вместе с окрасившейся в красное слюной выплёвываю кусок поломанного зуба. Губы мои разбиты, из носа хлещет кровь. Не обращаю внимания на боль, будто она находится в стороне от меня. Поворачиваюсь и, сидя, вытянув вперёд ноги, смотрю в зеркало.

– Ты кто? – вновь произносит отражение.

Хватаю валяющуюся рядом пепельницу в виде черепа и швыряю в этого, вновь и вновь повторяющегося призрака. Осколки стекла летят на пол и начинают вперемешку, беспорядочно скакать, как блестящие механические игрушки, сделанные безумным мастером. Вон губы, в зеркальном фрагменте произносящие:

– Я – Иннокентий.

Меж них виден невредимый зуб, который я только что поломал. А в метре от них, в стороне, у двери в коридор подпрыгивает осколок с глазом, рядом – с куском металлической молнии от «косухи».

Вскакиваю и пячусь, глядя на ужасающий и в тоже время завораживающий танец стекла.

– Паршиво выглядишь, брат Иннокентий!

Я упираюсь в подоконник, дальше отходить некуда. Не могу больше выносить это! Передо мной реальность развалилась на куски и обернулась кошмаром. Я начал задыхаться. Воздух! Срываю висящую тюль и распахиваю окно настежь. Холодный ветер врывается в комнату, я вдыхаю его полной грудью и смотрю на бегущие низкие, тёмно-серые тучи. Они сплошь покрывают и без того сумеречное небо. Улица выглядит призрачной, устрашающей.

Кровь залила мне подбородок и горло, проникла под рубаху, окрасила грудь. Я чувствую тёплую струйку, бегущую по животу. Тянусь рукой за снегом, лежащем на жестяном карнизе, чтобы приложить его к разбитому носу. И тут слышу снизу, с улицы, только почему-то совсем рядом, крик:

– Пожар! Пожар! Пожар!

Склоняюсь над подоконником и заглядываю за карниз. И тут по мне словно прокатывается волна электрического тока, тело моё передёргивает – прямо под окном я вижу себя, вцепившегося пальцами с содранными ногтями в остроугольные камушки на стене дома.

– Заткнись, придурок! – рывкнули скачущие по полу осколки зеркала позади меня. – Нажрался и орёт! Делать больше нечего?

Чуть отстранившись, я вцепился руками в оконную раму. Перед моими глазами поплыли тёмные круги, на какое-то время я оглох. Ноги начали подкашиваться, стоило больших усилий удержаться на них. Немного простояв так, потихоньку начал приходить в себя. Не знаю, терял я сознание или нет, но что-то близкое к этому было.

Раздаётся звук прогибающейся жести – это окровавленные пальцы вцепились в карниз. Как на замедленных кадрах начала выплывать голова. Вьющиеся длинные и ставшие почти чёрными от пота волосы резко подчёркивают мертвенную бледность лица. Фантом из сна подымает ранее закрытые веки, и я вижу черноту выжженных глазниц.

– Делать мне больше нечего! – истерично взвизгивают осколки зеркала за моей спиной. Этот выкрик бьёт меня как электрошоком и я, вдруг вновь обретая способность двигаться, захлопываю окно и судорожно закрываю на шпингалет.

– Нет! Нет! Открой! Нет!! – От воплей фантома задрожали стёкла. А в следующий миг он лишь беззвучно шевелит потрескавшимися губами. Из выжженных глазниц стремительно выбегают две струйки чёрных слёз, и вслед за этим голова исчезает: он падает вниз. Ирреальность событий оглушает, и я стремлюсь лишь к тому, чтоб никому не позволить забраться ко мне в окно. Поэтому закрываю и вторую раму, защёлкивая нижний шпингалет.

И тут... слышу, как к звукам прыгающих осколков зеркала добавляется новый, из спальни: это заскрипела кровать. И я знаю, что это значит. Пусть я обезумел, но тут и дураку понятно, что там происходит. Надо бежать отсюда – прочь из этой квартиры. Я кидаюсь к коридору, но осколки зеркала сгруппировались у двери и бешено скачут, подпрыгивая метра на два. При этом они не разбиваются об пол, как должно было бы быть, – да разве ж можно здесь чему-то удивляться! А из спальни уже слышатся шаги. Я кидаюсь к стоящей впритык к стене тумбочке, на которой находится магнитофон и самое главное – отвёртка с длинным стержнем. Хватаю её и поворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Сбоку, по правую руку, неистово пляшут стёкла: их стало явно больше. И плевать, откуда взялись новые, главное факт – их больше. Я смотрю на зал, похоже, мой дом уже не моя крепость. В конце комнаты, напротив меня, окно, за которым злобно завывает ветер, а слева от него – дверь в спальню, уже начинающая медленно открываться внутрь. Сжимая отвёртку в руке, жду появления себя, только что проснувшегося.

Фантом вышел медленно, потихоньку покачиваясь и болтая безвольными руками. Голова опущена, с длинных, мокрых волос капает вода (или пот?). Косуха на нём сухая. Он останавливается напротив окна и, повернувшись в мою сторону, начинает еле слышно мычать. Это не фантом – это зомби. Это мёртвый Я. Позади меня неожиданно щёлкает магнитофон, и комната взрывается, как и в первый раз, ещё до всего этого кошмара, рёвом гитар и оглушительными ударами барабанов. Но на этот раз песня другая:

«Я проснулся ночью —
Зубы не болят.
Так какого чёрта
Так они скрипят!!!»

От неожиданности даже подпрыгиваю. И в этот момент, перестав раскачиваться из стороны в сторону, зомби резко откидывает голову назад. Мокрые волосы, разбрасывая брызги, веером подлетают вверх и падают ему за спину. Зомби медленно подымает голову и в меня вонзается взгляд выжженных глазниц. Да-да, он вовсе не слепой! Эти две чёрные дыры на белом, слегка отдающим синевой лице, внимательно смотрят на меня. Я буквально физически чувствую злобный взгляд: от него сжимается горло, он словно схватил меня за глотку, даже не пошевелив рукой. А колонки надрываются пуще прежнего:

«А под табуреткою
Кочерга лежит!!!»

Зомби неожиданно печально улыбнулся и спокойно, грустным голосом спросил:

– Почему ты не стал спасать самого себя? Закрыл окно? Сам из-за себя упал. Ты склонен к суициду...

Я не понял последнюю фразу: он спрашивает или утверждает? Да как я его вообще слышу? Музыка ревет до боли в ушах.

– Никогда не мог понять ВАС, самоубийц, – продолжает зомби, или даже кто пострашнее. – Вы собираетесь умереть, а стоит появиться мне, начинаете дрожать от страха.

– Я не собираюсь умирать!! – ору я во всё горло, что есть силы сжимая в руке отвёртку.

– Значит, нам придётся помочь тебе – нам!

Поворачиваю голову в сторону, где прыгали стёкла, но вместо них, в метре от себя, вижу двойника зомби, только полностью состоящего из осколков разбитого зеркала. Он – как ожившая стеклянная статуя, испещрённая трещинами. Даже пряди волос, свисающие с его головы, позвякивают зеркальными гирляндами. Вижу в его «косухе» и джинсах неровное отражение себя и комнаты.

– Значит, дрожать от страха?! – кричу я и, что есть силы, наотмашь бью отвёрткой по лицу зеркального демона. Но он оказался не пустотелым, а монолитным. Мне удалось лишь поцарапать ему левую скулу и отколоть кончик носа. Несколько гирлянд-волос упали на пол и разбились. Осколки тут же начали скакать вокруг его ног.

Он зарычал, оскалив острые треугольники крупных зеркальных зубов, и потянул руки к моей шее. Вместо пальцев у него длинные, стеклянные ножи, которые, скрежеща, быстро сходятся и расходятся, как ножницы. Отпрыгиваю в сторону и бью по ним отвёрткой.

«Щёлк!» – и в моей руке остаётся лишь пластмассовая рукоять и сантиметровый, аккуратно срезанный металлический штырёк. Я кидаю то, что осталось от отвёртки, в лицо зеркальной твари. Рукоять, ударившись о стеклянный лоб и не причинив никакого вреда, отлетает на пол.

«Жинг-жинг-жинг» – работают пальцы-ножницы. Тварь продолжает тянуть ко мне свои руки, но пока остаётся стоять на месте.

– Ну, так что? Помощь нужна или ты всё-таки сам померёшь? – угрожающе интересуется демон у окна.

– С помощью – это уже не самоубийство, а убийство! – не вышло у меня сказать спокойно. Ну, а то, что музыка ревет – плевать: если я его слышу, значит, и он меня слышит. Быть может, он слышит даже мои мысли.

– Висельнику помогает виселица, тому, кто травится – яд, а тебе можем помочь мы, если недостаточно собственных ног и высоты твоего этажа, – тоном учителя проговорил демон.

– А с чего ты решил, что я вообще собираюсь покончить с собой? – поинтересовался я.

– Как бы тебе попроще сказать... – устало вздохнула тварь в моём обличии. – О! А какое тебе, на хрен, дело? Просто отвечай: ты сам сиганёшь в окно или тебе помочь?

Нет! Этого не может быть в реальности, меня глючит. Точно, это «белочка»! Вот, сейчас сяду на пол, закрою глаза и буду так сидеть, пока всё это безумие не прекратится.

– Вот так всегда! – раздражённо заговорили в унисон моим голосом два глюка-демона и заверещали, сделав испуганные голоса: – Этого не может быть!

Но ведь ничего из этого я не сказал вслух! Всё-таки они слышат мои мысли. Хотя... это ведь мои глюки, не чьи-то.

– Люди способны верить в абстрактную чушь, написанную в газете, но только не своим глазам, – продолжил уже один демон, у окна. – А если с ними что-то происходит, чего они понять не в состоянии, что выходит за привычные рамки, в которые они поместили весь мир, то сразу заявляют: этого не может быть! Хотя не имеют ни малейшего понятия о том, что собой в действительности представляет реальность. Ты, жалкий человечик, не способен понять реальность, а она такова: хочешь или нет, но ты вылетишь в это окно.

Демон, уж не знаю – глюк ли, командно гаркнул стеклянному, при этом оглушительно хлопнув (и это на фоне вопящей музыки!) в ладоши:

– Свет мой, зеркальце – давай!

И пальцы-ножницы у того заработали быстрее. Он медленно, угрожающе рыча, двинулся на меня. При этом из уголка, – нет, не рта, а зеркальной пасти, – стекает стеклянная, алая слюна.

«Жинг» – ножницы разрезали мою рубаху, кожу и мясо до кости предплечья.

– А-а-а!!! – крик рвёт моё горло. В глазах темнеет, но я всё же вижу довольную улыбку зомби, стоящего у окна. Да, это реальность. И то, что мне предстоит умереть – реальность. А раз так, то лучше выпрыгнуть в окно и прихватить с собою улыбающуюся тварь, чем просто быть изрезанным тут на куски...

Он наклонил корпус вперёд и большими скачками ринулся к окну. В последние секунды жизнь замедлила для него ход времени (который был неизменен все его двадцать семь лет), как бы желая оттянуть приближающуюся смерть. В его комнате всего пятьсот пятьдесят пять сантиметров в длину, и чем больше их оставалось позади, тем меньше становился отрезок его жизненного пути. Он, как спринтер в кошмарном марафоне из фильма ужасов, вышедший на финишную прямую, с заплывшими от синяков глазами, разбухшим, сломанным носом, из которого не переставая текла кровь, бежал. Кровь залила нижнюю часть лица, шею, пропитала собой всю рубашку и забрызгала тёмными пятнами потёртые синие джинсы. Левый рукав рубахи ниже торчащего из предплечья осколка зеркала и кисть тоже окрасились кровью. При взмахе руки она срывалась с пальцев, брызгами разлетаясь по квартире.

Несмотря на ужасную боль, Иннокентий решил, что всё же, скорее всего, это – СОН. Потому как расстояние до твари сокращалось очень медленно: он бежал, словно по пояс в болоте. Из колонок вместо музыки вырывалось оглушительное мычание заторможенного безумца.

Но вот до демона остался один прыжок. Иннокентий толкнулся ногами что есть силы, вытянув перед собой руки...

И тут время вновь приобрело свой нормальный ход. Вразумительно взревел магнитофон, песня закончилась:

«...Мне на всё наплевать!»

Он целился демону в грудь, но руки прошли сквозь того, как сквозь дым, и врезались, разбивая, в оконное стекло. Оно со звоном брызнуло на улицу, освобождая Иннокентия путь.

Он кричал, пока перед ним мелькали окна, пока серый асфальт, увеличиваясь, не вырос до размеров вселенной, пока... ничего не осталось в мире, кроме него.

– Здравствуйте, – сказала мягким и каким-то глубоким голосом та, что напоминала колобочек, а вторая молча переступила с ноги на ногу.

Улыбка начала потихоньку сползать с лица Па-мы, он внимательней всмотрелся в глаза маленькой.

– Есть ли у вас дома ненужные вещи? – продолжила ровным голосом колобок. – Те, от которых толку никакого? Которые хламом хламятся, о которые в спешке запинаешься, на которые вечно натыкаешься? Ненужное барахло, большое и маленькое, годами пылящееся, повсюду валяющееся?

Голос колобка эхом отдавался в ушах Па-мы.

– А пылью дышать вредно, – назидательно продолжала она.

И он вдруг так ясно вспомнил, словно наяву увидел, как они, будучи с Иннокентием ещё подростками, забрались в подвал и тот, когда Па-ма, по своей неаккуратности, поднял пылицу, зашипел на него:

– Вот! Дыши теперь пылью, дыши!

Да, мысленно соглашался сейчас Па-ма, даже почувствовав во рту неприятный привкус, – дышать пылью вредно...

– Вредные вещи, ненужные вещи... – голос незнакомки доносился откуда-то с высоты. – А ведь есть и опасные вещи. Вот, смотри: это Стёпка – отрок пятнадцати лет.

Слова женщины эхом звучали в голове:

– Юный археолог, хоть и рыжий, но «чёрный» копатель. Звучит громко, а по существу: ну, балбес балбесом! Тащит в дом всякую гадость: от безобидной вставной немецкой челюсти, которая, со временем забытая, начинает пылиться в ящике стола, до вещей откровенно вредных и даже опасных. Мама его...

Па-ма увидел крупную женщину с глазами навывкате.

– Безусловно, умудрённая жизненным опытом больше своего сына. Но и ей ума хватает лишь на то, чтобы избавить своё жилище от опасной вещи. Это, всё же, скорее, даже не ум, а слепой инстинкт. Что будет с этой опасной вещью дальше, потом, её ничуть не волнует. А мы не такие, нас это волнует.

Па-ма увидел, как крупная женщина с глазами навывкате стоит посреди какой-то комнаты и, вертя головой, как башней танка, громогласно зовёт, должно быть, собаку или кота:

– Бонифаций! Бонифаций! Ну, куда же ты забрался?

Она выходит в коридор, подходит к двери другой комнаты и спрашивает, не открывая её:

– Стёпка! Бонифаций у тебя?

Молчание.

– Стёпка, – зовёт она в очередной раз и открывает дверь в комнату сына. Никого. Вокруг царит полумрак. У зашторенного окна на тумбочке лежат две каски: немецкая и русская. На столе – кусок размотанной пулемётной ленты, рядом – пара ржавых гильз. Видно, что мать относится к этому достаточно лояльно.

– Бонифаций, – на этот раз почему-то шёпотом зовёт она, словно чего-то опасаясь. Женщина медленно подходит к кровати и, опустившись на колени, заглядывает под неё. – Бонифаций...

Что-то привлекает её внимание, она засовывает под кровать руки и, нащупав, тащит – судя по скрежету паркета – что-то тяжёлое, наружу. Стоя на коленях, она всматривается в то, что извлекла из-под койки. А это – артиллерийский снаряд не первой свежести, да и не второй. Большой и ржавый, на вид очень ветхий. Стукни его чем-нибудь, он и рассыплется.

– Безобразие, – тихо проговорила женщина. – Гадость какая-то.

Она поднялась на ноги и вышла из комнаты. Спустя минуту вернулась с тряпкой в руке. Вновь склонилась над снарядом и аккуратно запеленала его. Затем, взяв неожиданную находку на руки, поднялась и направилась в коридор. Выйдя на лестничную площадку четвёртого

этажа, прислушалась. Тишина. Она спустилась пролётом ниже и оказалась у раскрытой зловонной пасти мусоропровода.

– Гадость какая, – прошептала она опять и выбросила запеленатый, как младенец, снаряд. Тот, шумно задевая стенки, полетел вниз, пока не достиг мусорного дна.

Крыльцо подъезда девятиэтажного дома. К чуть приоткрытой двери подсобного помещения, куда сваливается мусор, осторожно подходит неприглядного вида гражданин. Па-ма узнаёт его – это местный абориген по кличке «Партизан Отважный Коля», потому что, как в песне поётся: проходит на радость мимо. А если не мимо, то какая уж тут радость, бич – не журавль, счастья не приносит. Он раскрывает дверь и, оставив её приоткрытой – для подсветки – шмыгает внутрь. Минут через пять высовывает свою бородато-косматую, серолицую голову. Зыркнув по сторонам, вновь скрывается за дверью, чтобы через пару секунд выскочить оттуда с известным тяжёлым свёртком.

...А вот и квартира «Партизана Отважного Коли». Конечно же, кругом хлам, который пылится, и не только: на кухне он еще и шевелится. То в многочисленных драных пакетах, набитых разнообразнейшим мусором вперемешку с не менее разнообразной тухлятиной, вольготно копошатся опарыши. Неизвестно, сколько времени прошло с момента извлечения из помойки снаряда. «Партизан Отважный Коля» сидит на ящике под грязным кухонным окном и глядит на свою ржавую находку, стоящую на конфорке включенной электрической плиты.

Иннокентий рассказывал, что в Североморске корешок, на плитке патрон строительный нагрел, бабахнул. Но чтоб вот так, снаряд...

«Да ты с причудами», – думает Па-ма.

Вдруг вокруг снаряда задрожал воздух, словно начались какие-то испарения.

«Пожалуй, он уже готов, – подумал о снаряде Па-ма, пытаясь сглотнуть появившийся в горле комок. – Пора снимать, подгорит».

Эффект дрожания усилился и контуры ненужной вещи, опасной вещи стали становиться всё менее чёткими, пока не исчезли вовсе. На кухне потемнело... Слабым призрачным источником света служил лишь уличный фонарь, стоящий во дворе. Вместе со снарядом исчезли шевелящиеся пакеты и «Партизан Отважный Коля».

Па-ма тряхнул головой и тут же схватился за неё руками, словно спасая ту от рассыпания.

– Ой-ёй! – воскликнул как крокодил в мультике, у которого заболели зубки.

Он приоткрыл зажмурившиеся от резкой головной боли глаза и так, прищурившись, стал озираться по сторонам.

– А кухня-то моя, – пробормотал Па-ма и, окончательно придя в себя, вскочил. Но затёкшие ноги подкосились, и он тут же упал на пол.

«Ого! – подумал Па-ма – Сколько ж я их отсидивал?»

Поднявшись, хромая, подковылял к раковине и, открыв кран, жадно прильнул к холодной струе.

– Вот так дела, – пробормотал он, напившись и отдышавшись. – Я хожу во сне.

Па-ма включил свет на кухне, глянул на часы – уже вечер. Потом, озабоченный тем, не открыл ли он во сне входную дверь, отправился в коридор. И ведь оказалось, что открыл. Взволнованный Па-ма случайно взглянул на вешалку – куртки нет. Может она в комнате?.. Но ведь он её вчера вообще не трогал, потому как никуда из квартиры не выходил. Девушка ушла, зато пришёл сосед, и они напился. Но всё же Па-ма помнит, как уходил гость, а он, закрыв за ним дверь, лёг спать. А может, не закрыв?..

Па-ма включил свет в комнате и увидел, что вся она перевернута вверх дном. Сразу бросилось в глаза отсутствие телевизора, видеомагнитофона и музыкального центра.

«Вот так тётеньки! – подумал Па-ма, поняв, что те были вполне реальными. – Избавили от ненужных вещей...»

«Тр-р-ринь» – это телефон в коридоре. Па-ма подошёл и снял трубку.

- Говорит, но не показывает Макс, – раздалось в трубке.
- А меня тут две тётеньки ограбили, – растерянно проговорил в ответ Па-ма вместо приветствия.

3

ПИВО – РЫБА

(...когда солнце было ещё не проклято, и о ненужных вещах никто не думал)

В ту субботу я проснулся довольно-таки рано: стрелки будильника показывали 10:45. Найдутся такие, кто, кривясь, презрительно фыркнут: тоже мне, 10:45 ему довольно-таки рано. Пусть они хоть до конца дней своих остаются кривыми и фыркают до гробовой доски. Если тебе с утра не надо, проклиная всё на свете, бежать на работу или по какой другой, обычно не менее неприятной нужде срочно идти куда-то, то вставать с постели раньше двенадцати – преступление. Причём – самое абсурдное. Потому что это – преступление перед самим собой. Но в каком преступлении не найдётся смягчающих обстоятельств? Вот и у меня одно, но чрезвычайно смягчающее, способное вызвать глубочайшее понимание и даже слёзы искреннего сострадания у самых суровых судей, нашлось. Вчера была пятница! И, если ты не уроженец знойного Алжира, не жующий поп-корн с кока-колой американец, не мудрый индус, швыряющий в воды Ганга кости с обгоревшими кусками плоти своего бедного родственника, кои не смог поглотить скудный погребальный костёр, не смотришь на восходящее солнце через узкую щёлочку глаз, а ты – балалайка-матрёшка-валенки, то тоже способен понять меня.

Да, вчера была пятница.

Верблюд, этот горбатый корабль пустыни, этот флагман песков, способный без единой капли воды выносить долгие переходы под палящим солнцем, ощути это сверхживотное хоть на одно мгновение ту жажду, которую испытывал в то утро я, оно тут же пало бы наземь, чтобы околоть в страшных муках.

Пить! Как же мне хотелось пить. В ушах грохотали сотни водопадов, я буквально чувствовал прохладу бурлящей воды.

Пятница – день ИКС, восемнадцать часов – время «Ч». Время, когда вся страна, как один, встаёт на беспощадную борьбу с «зелёным змием». Кто кого одолеет. И это – после тяжёлой трудовой недели, когда силы на исходе, когда человек вымотан донельзя. Казалось бы, сиди дома, смотри телевизор, кушай булочки с чаем – отдыхай, одним словом. Но нет! Мы не из тех, кто будет отсиживаться по уютным углам, когда в мире ещё столько спиртного.

Конечно, и у нас есть такие, типа «моя хата с краю», считающие, что и без них как-нибудь обойдётся. Что ж, и обойдётся. Но пусть им будет стыдно смотреть наутро в мои припухшие глаза. Ведь я не отсиживался, трясясь за своё здоровье. Я пил за ваше! Я, как истинный патриот, не мог оставаться в стороне. Всё как в песне: судьба народа – моя судьба.

Людей под неистовым натиском алкоголя шатало и валило с ног. Ха! Русские не сдаются – это не пустые слова. Многие находили в себе силы, чтоб уже и в лежачем положении прикончить ещё хоть одну рюмку водки или бутылку пива, после попадая в чёрную дыру беспмятства. Но те, кто ещё мог держаться на ногах, те, кто ещё мог поднять стакан, с удвоенной силой продолжали священную борьбу, мстя за павших товарищей.

Утром я проснулся хоть и сильно помятым, но с чувством выполненного на данном этапе времени долга. «Зелёный змий» был побит мною и пленён. Мы выпили практически всё, а, уходя от Иннокентия, в качестве трофея я захватил, пусть и будучи порядком уставшим, бутылку пива. «Балтика» девятка мирно стояла в холодильнике. А что в этом сером мире может быть прекраснее, чем дожидаящаяся тебя субботним утром бутылочка прохладного пива. Встав с постели, я побрёл к холодильнику. И, пока ковылял до него, меня терзала ужасная мысль: что, если я ночью пришёл домой и выпил пиво?!

Нет! Прочь чёрные думы! Не мог я, вчерашний, поступить так подло с собой сегодняшним – разбитым и, несмотря на выполненный долг, глубоко несчастным человеком.

Я открыл холодильник... О! Какое облегчение! Мир – ты не так ужасен и несправедлив, как кажется порой.

Чуть запотевшая от холода, в золотой короне фольги, столь желанная и столь дорогая сердцу моему, стояла она – девятка.

Какое-то время я зачарованно смотрел на нее, не решаясь прикоснуться к бутылке, словно это был мираж: протяни руку, и он исчезнет. Но наконец я взял пиво, мои пальцы и ладонь ощутили приятный холод стекла. Приложив бутылку к разгоряченному лбу, даже удивился: почему не слышно шипения остывающей боли. Затем, проведя шершавым языком по иссохшемуся нёбу, решительно раздирая золотистую фольгу, откупорил крышку и выпил разом с четверть бутылки.

Это были сладостные мгновения, когда всё твоё естество, подобно пивным пузырькам, устремляется со дна чёрной бездны апатии и неясных страхов ввысь – к ярким краскам праздника жизни.

Облегчённо выдохнув, поставил драгоценный напиток на стол и пошёл одеваться. Времени это много не заняло – я был стремителен. Вернувшись, проглотил ещё с четверть бутылки. После достал из пачки «LM» предпоследнюю сигарету и, закурив, почувствовал – нирвана, как истина, где-то рядом. Появилось здоровое желание что-то съесть. Но сначала нужно было прикинуть, чем я располагаю, а чем нет. С этим и пошёл умываться. И так: имеется кофе, сахар отсутствует, есть немного хлеба, который засох до такой степени, что им можно прошибить стену. Ещё есть картошка, но готовить её теперь меня не способно заставить ничто. Вернувшись к пиву, я сделал вывод: ходить в гости по утрам – чрезвычайно мудро.

Прикончив бутылку до конца, я пошёл на операцию под кодовым названием «А вот и Я!».

Улица встретила меня холодным ветром, который, срывая с высоких сугробов снежную крошку, швырял её мне в лицо. Было больно от хлёстких ледяных пощёчин. Я шёл против ветра (да у нас куда не пойдешь – всё против него) наклонив голову вниз и периодически прикрывая глаза руками, полностью сосредоточившись на дороге, не обращая ни на кого внимания.

Когда я, продрогший до мозга костей, отметил про себя, что цель нелёгкого перехода близка, и остался буквально последний рывок, меня неожиданно окликнули.

– Макс!

Я оглянулся на голос, прорывающийся сквозь шквал ветра. Это оказался Иннокентий. Кстати, почему его все так зовут – никто не знает. Имя его в миру даже приблизительно не было созвучно Иннокентию. Без шапки и шарфа, одетый в «косуху», он стоял, не обращая внимания на разбуянившуюся погоду. Его длинные волосы, стянутые на затылке в хвостик, не были заснежены, как шапки у обычных людей. А лицо его озаряла такая счастливая улыбка, что прохожие, увидев её, шарахались в стороны, потуже затягивая капюшоны, пряча шеи в меховые воротники да поправляя тёплые шарфы. А причина радости, которую не могли омрачить ни снег, ни ветер, была у него в руках: два пакета (ручки грозились вот-вот порваться), набитых по большей мере бутылками. Тут лучистая улыбка озарила и моё измученное лицо. Даже не заметил, как очутился возле Иннокентия.

– Такие люди, и без охраны! – воскликнул он, прекрасно зная – я терпеть не могу этого выражения.

Н у, да ничего, я в долгу не остался, запричитав:

– Сколько лет, сколько зим!

И, обняв его, как родного брата, принялся хлопать ему по спине ладонями. Но Иннокентий зашипел, что пакеты могут порваться, и я вмиг стал серьёзен. Ну, прям как атомная бомба (или кто скажет, что атомная бомба – это не серьёзно?). Наипосторожнейшим образом я взял один из пакетов и прижал к груди обеими руками, как какое-то священное сокровище своего дикого племени.

– Идём к Па-ме, закончим... – Иннокентий вдруг осёкся, зажмурился и, фыркнув, замотал головой, отмахиваясь от своих слов, как от вредных мух. Затем, быстро сплюнув три раза через левое плечо, поправил себя: – Продолжим начатое вчера.

Па-ма... Почему Иннокентия зовут Иннокентием – этого никто не знал, у меня было всё совершенно очевидно: Макс – от имени Максим, а вот Па-ма – это как телепередача: нам, знающим его с детства – очевидно, а для человека стороннего звучит невероятно. На самом же деле всё просто. В далёком, безоблачном детстве у нашего друга было более земное имя. Настолько земное, что скорее можно сказать – приземлённое... Да что уж там – конечно, приземлённое! И приземлённое до того, что и произнести не решусь.

Ну, так вот: какими бы мы тогда важными, детскими делами не занимались – раскатывали зимой до зеркального блеска часть дороги, идущей под гору во дворе, или же поливали друг друга из брызгалок водой, смешанной со средством для мытья полов летом, наш друг, завидев родителей, побросав всё, радостный бежал к ним и кричал, как дурачок, отцу:

– Па! Можно я сегодня попозже домой приду?

И матери:

– Ма! Я пятёрку по пению получил!

Так было в детстве, так продолжается до сих пор. Пусть он уже вырос и живёт отдельно, пусть всё выражается теперь не так бурно и трогательно, но всё же Па-ма остался Па-мой:

– Па, гайшники озверели. Ма, бабок подгони до полочки.

Вот к этому-то Па-ме и звал меня Иннокентий. Они жили недалеко друг от друга, а магазин, у которого мы встретились, находился как раз посередине между ними. Вот почему у Иннокентия не была заснежена голова: просто-напросто не успела.

– Идём, – сказал я и поинтересовался, – потому что вчера мы, в большом человеческом количестве, сидели у него: – Как разошлись то?

– Да так... – Иннокентий пожал на ходу плечами. – Я плохо помню, как ты вчера уходил, и после улучшений в памяти не было. С утра проснулся злой – в квартире, как в свинарнике, всё позагадили и водки не оставили. Всех повыгонял нахрен... Вчера только вы с Па-мой ушли. Ну, так вот: остался я один и стал прикидывать: куда бы податься – дома-то жуть! Вспомнил, что у Па-мы деньги должны быть, вот и пошёл поддержать друга в тяжёлую минуту похмелья. Прихожу к нему около одиннадцати, а у него там девка какая-то: сидят вдвоём, да пивко попивают.

– Что за девка-то? – поинтересовался я.

– Вот, блин! Говорю, пиво попивают, а он – девка, девка, – обозлился Иннокентий. – Понятия не имею, что за девка! По ходу та, что он говорил: педуху заканчивает. Если это так, то она в школе на следующий год меж восьмиклассниц затеряется. Зато вот про пиво точное понятие имею – «Мельник» был, который «старый». Но – мало. Выпили его как-то враз. Затосковал я, запечалился, а Па-ма, – пусть небо над ним всегда будет чистым, мне и говорит: не кручинься мол, есть ещё порох в пороховницах и ягоды на месте. Полез он в карманы свои глубокие... и вот я перед тобой, с разными всякостями в пакетах.

Так, ведя непринуждённую беседу, морща лица в жуткие гримасы под обмораживающими порывами завывающего ветра, словно желая напугать своим видом разгулявшуюся стихию, мы добрались до нужного нам дома. И он был прекрасен! В нём скрывалась та неуловимая красота северной глубинки, которую никогда не понять человеку, прожившему всю свою жизнь на юге и бывавшему за пределами Полярного круга разве что с телепередачей «Вокруг света». Но от нашего взора эта скромная красота ускользнуть не могла. Дом был прекрасен, как прекрасна карликовая берёзка в полярную ночь или как ягель, покрывающий ковром неопределённого цвета древнюю тундру. Мы радовались, увидев дом, как могут радоваться дети: искренне – всей душой. А он! Из серого кирпича, с обшарпанными стенами, гордо стоял, подпирая такой же серый, как и он сам, небосвод всеми своими пятью этажами. Нас дом встретил как старых

добрых друзей после долгой разлуки, салютуя хлопками всех подъездных дверей, задуваемых сквозняками. Мы заскочили в третью – всё позади: холод, снег в лицо. Впереди: пиво, рыба и сплошное наслаждение.

«Дз-з-з-инь!»

Ох, до чего же противный звонок у Па-мы. Лучше уж барабанить в дверь, чем слышать этот мерзкий «дз-з-з-инь», проникающий в мозг и, должно быть, постепенно разрушающий мозжечок.

– Ты не знаешь, как у Па-мы обстоят дела с мозжечком? – спросил я Иннокентия.

Тот удивлённо посмотрел на меня, затем, покосившись на битком набитый пакет, который он прижимал к груди, сказал:

– А на что приобретено, по-твоему, всё это? Я только что заложил его в магазине.

– Как же он теперь, без мозжечка-то?

– Ф-ф, – фыркнул Иннокентий, закатив глаза и продолжая удивляться моей наивности. – А как полгорода вообще без мозга живут?

– Полгорода... – проговорил я. – Слушай! Теперь, когда будем выкупать мозжечок обратно, главное его ни с чьим другим не перепутать, а то прикинь, достанется от Коли-партизана.

– Не-е, не перепутаешь! У Коли там сухарик ржаной.

Дверь нам открывать не спешили.

– С тётенкой, чтоли, чудит? – проговорил Иннокентий.

– Ага, показывает, как он пальцами на ногах фиги крутить умеет.

Так как руки мои были заняты ценнейшим грузом, я не решился рисковать и звонить, держа его одной рукой. В нетерпении слегка стукнул ногой в дверь и проголосил:

– Эй, на барже! – после чего послышались приближающиеся шаги. Наконец, дверь распахнулась, и перед нами возник Па-ма в расстёгнутой рубахе. Он сходу накинулся на Иннокентия:

– Тебя только за смертью посылать! Ты чё! На пивзавод ездил? Или вы вдвоём, наслаждаясь погодой, решили малость погулять?

Мы переглянулись.

– Погода... – проговорил я.

– Мозжечок! – кивнул мне головой Иннокентий. А, зайдя в коридор, мы забушевали.

– Прощельга! Ты хоть в окно сегодня глядел? Там трактора сдувает. Мы собственными глазами видели, как кошка звуковой барьер преодолела. Летит себе по ветру, вдруг – шквал. И только её «мяу» тут, а сама – уже в Кандалакше. А ты здесь окопался, крыса тыловая. Встать!

Па-ма, который и не думал садиться, преспокойно забрал пакет из моих рук и, не обращая на нас никакого внимания, потащил его на кухню.

– Трепещи, прахоподобный! Щас мы тебе хвост отрубим!

Но наши возгласы тонули в его безразличии. Мы слышали позвякивание бутылок из разгребаемого на кухне пакета. Тогда, умолкнув и раздевшись, мы направились со второй поклажей за ним. В этот момент раскрылась дверь в комнату и нам навстречу вышла та самая тётенка.

Миниатюрная, одетая в чёрную водолазку и джинсы, плотно обтягивающие то, что им и положено плотно обтягивать. Сама – коротко стриженная блондинка с большими, голубыми, доверчивыми глазами, коими и хлопала неустанно. Обладательницы таких глаз верят в Дедов Морозов. И уж совершенно точно – в сказочных принцев и группу «Иванушки». Переживают за судьбы героев молодёжных сериалов, ложатся спать вместе со своей любимой куклой Барби и никогда в жизни, – даже страшно подумать, не пробовали курить, не говоря уже об употреблении алкоголя.

– Здравствуй... – у меня чуть не вырвалось – «деточка». Вот так учительница!

– Здравствуй! – прохрипела она неожиданно брутальным голосом и улыбнулась.

Я даже в сторону отпрянул, до смерти перепугавшись. Ох-х-х, «деточка», нужно бережней относиться к людям с похмелья!

Улыбка её несколько поблекла, став какой-то неуверенной.

– Я немного простудилась, – оправдываясь, хрипло проговорила она.

Поздно. Кукла Барби, сказочный принц и Дед Мороз уже полетели к чёртовой матери, чтобы никогда уже оттуда не вернуться. Я посмотрел на выпирающие из-под наспех одетой и плохо заправленной водолазки соски, на плотно обтягивающие то, что им и положено обтягивать джинсы, и вернулся в реальный мир, где существуют пиво, рыба и кореша.

Иннокентий уже отнёс свой пакет и успел присосаться к только что открытой бутылке.

– Поспешим, нельзя терять ни секунды, пиво в опасности, – быстро проговорил я и ринулся на кухню. На столе уже было всё необходимое: пару пачек «L&M» и пепельница, два нарезанных, жирных и икристых ерша (когда только успели!), чайные кружки и четыре открытых, но пока ещё полных, за исключением Иннокентьевой, бутылок «Невского». Остальные двенадцать нашли своё, весьма временное, пристанище в холодильнике.

Па-ма познакомил нас со своей охрипшей подругой, которая действительно, училась в педухе, а звали её... То ли Лиза, то ли Оля... какая разница, я никогда не запоминаю имён! Вот, если б фамилию, то конечно. Допустим: знакомьтесь, это моя подруга Цетхен... Н у, да ладно! В общем, буду звать её Лизой.

Мы вчетвером уселись за кухонным столом. Н у, что ж, пиво разлито – выпили. Я так – полкружки. Затем принялся за рыбу и все последовали моему примеру. Ели-грызли с величайшим наслаждением, Иннокентий даже, время от времени, в приливе наслаждения, закатывал глаза к потолку и блаженно посапывал. Когда мы выпили по первой бутылке и вытерли руки после жирной рыбы, начался ритуал курения. Лиза в нём всё же участия не приняла. Неужели не курит?

Стали болтать о том, о сём, не придерживаясь конкретной темы, как зачастую и бывает. Начали с пареной репы, а закончили, точнее, плавно вышли, к никотинами-дадениндинуклеотидфосфату. Как так? Легко. Заговорили между собой о вчерашнем. Лиза, заскучав, стала рассматривать плитку. Па-ма, заметив это, сказал ей:

– Кончай плитку гипнотизировать. А то ещё внушишь ей, что она – холодильник, как потом еду готовить?

– А какую еду ты любишь готовить? – поинтересовалась Лиза.

– Ну, обычно репу парю, – сознался Па-ма.

– Вот! – воскликнул я. – Всё встало на свои места. А то думаю: откуда в коридоре у него лосиные рога.

– Рога? – не поняла Лиза. – Причём тут рога?

– Ну, конечно, – решил я объяснить теперь уже очевидное для меня. – Репа у лося с рогами, в духовку не влезала, вот Па-ма их и спилил. Ловкач: и репу запарил и вешалку смастерил.

– А куда дел тушку? – заинтересовался Иннокентий. – У лосей должны быть приличные тушки.

– Конечно, должны быть приличные, – вздохнул Па-ма. – А мне попалась хамская. Я её выгнал.

– Это в такую-то погоду? – удивился Иннокентий.

– А чё ему сделается, обезбашенному, – справедливо рассудил Па-ма.

Мне показалось, что Лиза уже сожалеет о том, что неосторожно задала этот вопрос. ОНА ЖЕ ЗАДАЛА СЛЕДУЮЩИЙ. И девушка поторопилась задать следующий. Безобидный.

– Что за «L&M» вы курите?

– Да уж понятно, не голландский табак, – сказал я. – Гаражка какая-то...

– Это потому, что в гараже выращивают? – опять спросила Лиза.

– Да, – ответил Иннокентий. – В одном выращивают, в другом забивают.

– Причём, в каждую сигарету отвешивают ровно по два процента алкалоида! – Блеснул я познаниями.

– Ох, ты, слово-то он какое сложное знает! – сказал Па-ма голосом удивлённого и вдруг возгордившегося за своего туповатого сына отца. А затем мечтательно проговорил, словно пробуя слово на вкус: – Ал-ка-а-лоид.

– Нравится? – довольно спросил я. – Есть покруче – никотинамидадениндинуклеотидфосфат.

– Да-а, ребята, – задумчиво проговорила Лиза хриплым голосом. – А о чём вы разговариваете, когда курнёте?

«Курнёте?! – подумал я. – Вот так Барби... Врет, поди, что простудилась!»

– Ха, – усмехнулся Па-ма, пожав плечами. – А всё о том же, ничего не меняется.

После молча встал и вышел из кухни. Сигареты мы докурили, и я решил достать из холодильника ещё по бутылочке.

– Не спеши открывать, – сказал мне Иннокентий, когда я поставил их на стол. Я вопросительно приподнял бровь.

– Не спеши, – повторил он.

И тут на кухню вернулся Па-ма, сияющий, как солнышко. Перед собой он держал чрезмерно длинную папиросу.

– Па-ма! Ты – мой герой! – радостно воскликнул Иннокентий. А ведь он знал или, по крайней мере, догадывался. Недаром тормознул меня с пивом.

– Знаешь, чем старика потешить, – сказал я степенно.

– Чего это? – удивлённо спросила Лиза, когда Па-ма оказался возле неё, подойдя к своему месту.

«Что за дела, деточка? – думал я – То ты произносишь вслух этот страшный глагол «курнёте», то спрашиваешь, что это».

– Ты же хотела узнать, о чём мы разговариваем, – присаживаясь, сказал Па-ма, – время от времени.

Затем, взяв со стола зажигалку, он, таинственно улыбнувшись, предупредил:

– Затыкайте уши, взрываю.

Лиза забегала глазками по кухне, словно ища место для укрытия.

Па-ма чиркнул колёсиком по кремню, высекая искру, от которой должно возгореться пламя. Но пламени не возникло. В зажигалке закончился газ.

Иннокентий похлопал себя по карману брюк и пожал плечами, давая понять, что помочь ему нечем. Я встал и пошёл в коридор к своей куртке, но, обшарив карманы, понял, что оставил зажигалку дома. Вернувшись на кухню, я повторил немую жестикуюляцию Иннокентия. После чего мы втроём дружно покосились на Лизу и, всё поняв, так же дружно перевели свои взгляды на плиту. Па-ма взял сигарету и включил самую маленькую конфорку, а нам сообщил:

– Она шпарит лучше.

– Да ладно. И что ты, так и будешь стоять? – обратился я к нему. – Давай пивка попьём, пока раскочегаривается.

– Я разве говорил, что моя плита кочегарит? – возмутился Па-ма. – Она шпарит!

– И... – подтолкнул я его к продолжению.

– И мы будем, соответственно, ждать, когда она расшпарится. – Па-ма положил сигарету с папиросой на соседнюю, не включенную конфорку. – Наливай!

– Видал, что творится? – сказал я вполголоса Иннокентию. – Я свой ни за что не заложу!

– Вообще-то, он отвечает за равновесие и координацию, – уточнил функцию мозжечка Иннокентий.

– Видать, у кого как... – покосился я на севшего за стол Па-му.

– Чё вы несёте? – спросил тот и принялся сам открывать пиво.

– А чё ни попадя, – ответил я.

– Да! – кивнул головой Иннокентий. – Как увидим какое-нибудь нипопадя, так хватъ его и давай носить.

Я взял свою кружку с пивом и глянул на Лизу: похоже, ей несколько не по себе, погоди еще... сейчас плита расшпарится!

Па-ма отпил с полкружки и с наслаждением выдохнул:

– А-а-а.

И кивнул в сторону плиты:

– Это ко мне с утра, часов в девять, дядя Фёдор после вахты зашёл.

Дядя Фёдор – это двадцатитрёхлетний сосед Па-мы, а зовут его так потому, что у него есть дома кот – Матроскин.

– Пришёл, значит, разбудил меня, – продолжал Па-ма. – С пакетом чёрным. Вижу – там контуры вроде как трёхлитровой банки обозначаются и ещё позвякивает чего-то. Ну, я возрадовался этому позвякиванию после вчерашнего-то. Гнев на милость сменив, говорю: «Пройди». Он достал из пакета две бутылки пива, вручил мне, а сам из куртки извлёк свой портсигар, он у него как шкатулка большой. Ну, да и папиросы в нём не маленькие хранятся... А после вахты у него их ещё две штуки осталось. В общем, курнули, пиво выпили, поболтали немного и он домой засобирался. Ну, я ему и говорю, глядя на его портсигар-шкатулку, что лежит на моём столе и так великолепно на нём смотрится:

– Тебе хорошенько выспаться надо после дежурства, так может, сделаешь мне подгончик? Я-то уже выспался.

Он, поняв о чём речь, согласился, но с одним непременным условием, что я впридачу возьму у него золотую рыбку.

– Надеюсь, ты её уже засолил? – усмехнулся Иннокентий.

– Нет, она, как и была – в трёхлитровой банке, – ответил Па-ма.

– Он чё, с вахты с рыбкой пришёл? – спросил я.

– Да, он ведь моряк, – сказал Па-ма, встав и направившись к плите. – На доке электриком работает. Говорит: утром на поддёв поймал.

– А ты куда её дел? – спросила Лиза у Па-мы, который, чуть размяв кончик сигареты, ткнул его в расшпарен-ную конфорку. – Под кровать, что ли, спрятал?

– А куда ж ещё спрячешь в однокомнатной квартире золотую рыбку? – сказал Па-ма и раскурил сигарету. Затем, уже от неё, папиросу. Вернувшись на своё место, он отправил сигарету в пепельницу, а папиросу передал Лизе. Она, потупив глазки, протянула ручонку и... О, женщины, вам имя – вероломство. Такой затыжки я ещё не видывал. Если бы она так воздухом дышала, в квартире давно закончился бы кислород, а окна вовнутрь прогнулись. Разум отказывался верить в то, что происходило на моих глазах. Уголёк рос, превращаясь в уголь, пожирающий потрескивающую папиросу. Я уже начал подумывать о том, что нам ничего не достанется, когда «деточка» то ли, наконец, насытившись, то ли смилостившись, дозволила и мне немного поучаствовать в процессе, начатом Па-мой.

– Сразу видно – человек некурящий, – сказал, поражённый Лизиными возможностями, Иннокентий. А я, вытянув руку через стол, выхватил из хищных пальчиков папироску и что есть силы затянулся сам. Но их у меня оказалось куда меньше, чем у «деточки».

– Курить надо бросать! – сказал мне Иннокентий, глянув на «L&M», лежащий на столе, когда я слегка подкашлянул.

В следующий раз мне вернулся лишь жалкий уголёк на гильзе, а Иннокентию и вовсе – привкус жжёной бумаги. Но наши покрасневшие глаза уже дарили друг другу улыбки в наполнившейся сладковатым дымом кухне.

– И чё? – чему-то радуясь, задал вопрос Иннокентий, слегка раскачиваясь на табуретке взад-вперёд и глядя прямо перед собой – в стену.

– Чё? – встрепенулся Па-ма.

Даже я не понял Иннокентия, поэтому меня вдвойне поразило то, что разъяснения дала Лиза.

– Он спрашивает: чё рыбка?

– Ах, рыбка... – Па-ма хлопнул себя по ноге. – Золотая, в банке, как полагается.

– Зови её сюда, познакомимся, – сказал я, переполняемый положительными эмоциями.

– С рыбкой? – хохотнул Па-ма.

– Всех остальных я уже знаю! – обвёл я счастливыми глазами присутствующих.

– Действительно! – поддержал меня Иннокентий. – На крайняк, как старуха из сказки, при своём останемся. Зови.

– Рыбка-а-а... – простонал Па-ма.

– Так сиделку зовут, чтоб «утку» сменила, – сказал Иннокентий.

– Сиделка, рыбка, исполни желание, смени утку, индюшку. Сделай уже что-нибудь! – захохотал Па-ма.

– То стонет, то хохочет, – озабоченно проговорил Иннокентий. – Неси рыбку, будем просить её, чтоб вернула то, что мы заложили.

– Чего заложили? – не понял Па-ма.

– Ты сейчас не поймёшь, но поверь, о тебе беспокоюсь! – был ему ответ.

– Ну, раз обо мне... – с этими словами Па-ма встал и удалился в комнату.

Вскоро вернулся и водрузил в середину стола трёхлитровую банку, наполненную водой. Там действительно была рыбка, только вот новый домик был для нее тесноват.

– Чё-то она какая-то вялая, – заметил я.

– Говорю же – завялить! – советовал Иннокентий.

– А ты уверен, что рыбка золотая? – спросила у Па-мы Лиза.

– Предлагаешь её надпилить? – хохотнул он.

– Я к тому, что, по-моему, это – бычок, – сказала она.

– И что? – невозмутимо согласился Па-ма. – Порода у неё такая. Вон, у Емели вообще – щука была, а чего вытворяла. Если дядя Фёдор сказал – золотая, значит – золотая. Он моряк, он рыбак – ему виднее.

– Ну, тогда загадывай желание, – сказала Лиза, сдаваясь.

– А мне ничего не надо! – развёл руками Па-ма.

– Я, вот, сегодня хочу напиться, – сказал Иннокентий и принялся разливать всем пиво.

– Великая новость, – усмехнулся я. – Кто ж не хочет?

– А я вот хочу как никогда – в усмерть, – развил мысль Иннокентий.

– Тоже мне, редкое событие, – заметил я. – Вот Па-ма нам денежку займёт до получки – и все дела.

Па-ма делал вид, что ничего не слышит. Разведя руки чуть в стороны, он держал в одной кружку, в другой – тлеющую сигарету, и присматривался к рыбке.

– А ведь действительно, бычок, – сказал он наконец. – Бычок в трёхлитровой банке – это не эстетично. Вообще, как у бычка, у него три варианта: быть действительно засоленным, второй – быть выкинутым и, наконец, третий – быть докуренным.

Па-ма завертел головой:

– Его кто-нибудь докуривать будет?

– Его, разве что, через кальян... – сказал я.

– Кальяна нет! – развёл руками, не выпуская пива и сигареты, Па-ма.

– Бычков ещё можно выводить попасть! – нашла вдруг четвёртый вариант Лиза.

– Ну, и пускай себе попасётся, в уголке, – сказал Па-ма и, допив пиво, взял банку да поставил под раковину, к пустым бутылкам.

Продолжили пить пиво и болтать ни о чём. Я, вспомнив увиденное по телику, сказал:

– А смотрел кто в «криминальных новостях» про добрую старушку?

– А разве такие бывают? – удивился Иннокентий. – Ну-ка, давай-давай, расскажи.

– В Мурманске, в одном дворе, поскользнулась бабка, – начал пересказывать я увиденное по телевизору. – Шла выносить мусор, в большом таком пакете, а тут – гололёд. Упала, да так неловко, что ногу сломала, встать не может. И представьте: чего только не бывает! Казалось бы, как в сказке – на счастье бабульки, у соседнего подъезда «скорая помощь» стоит. Врачи как раз из подъезда выходили, на вызове у кого-то были. Видят – старушка упала; они, естественно, к ней. Суетятся вокруг бабушки: типа, как дела, да где болит? А одному белому брату она, вроде как, и не интересна вовсе. Таращится он на мусор, который та выносила и при падении, рефлекторно размахивая руками, совершенно случайно отшвырнула в сторону.

– П-п-пр! – попытался сдержать смех Па-ма. – Реффлекторно, – выговорил он и заржал по-настоящему.

Секунды две Иннокентий смотрел на него серьёзно, после чего тоже захохотал, согнувшись и чуть ли не стукнувшись лбом об стол. К ним присоединилась Лиза, смех её был естественно тонок по сравнению с голосом. Кажется, именно поэтому меня начало распирать изнутри и я, взорвавшись хохотом, привнёс гармонии в нашу смешливую кампанию. Мой рассказ прервался минут на десять-пятнадцать. Всякий раз, когда кто-нибудь, вроде бы успокоившись, спрашивал меня, типа:

– Ну, так что там, в мусоре-то было, который старушка... реф-ф-ф-ле-е-е...

И старая картина повторялась. Мои друзья вновь начинали смеяться до слёз и я, естественно, вместе с ними.

Всё-таки нам удалось кое-как совладать с хохотунчиком, и тогда я продолжил:

– Короче, увидел один из врачей, что из пакета, который... упал вместе с бабкой, впоремешку с мусором вывалилась кость. И, поскольку он оказался врачом ушлым, определил сразу – малая берцовая, человечья. Короче, для начала бабку отвезли в больницу, а в это время менты у неё дома на лоджии нашли расчленённого супруга. Когда спросили старуху: чего это она из божьего одуванчика душегубом сделала? Та ответила просто: гулял! Кобелина...

– Сколько ж им лет было? – спросила Лиза.

– Бабке, вроде, семьдесят три, а дед чуть постарше, – ответил я.

– Вот так мужчина! – пробормотала Лиза. – Резвый, видать, старичок был.

– Чё, старичка захотелось? – усмехнулся Па-ма.

– Ну-у... – кокетливо пожала плечами Лиза. – Разве что, шустрого такого.

– Шустрого такого тебе по запчастям собирать придется, как легион-конструктор, – посмеивался Па-ма. – Слышала? Бабка его разобрала.

– Да-а, я ж не договорил, – продолжил я. – Значит, хранился он у неё на балконе – благо зима. Человеком старая оказалась предприимчивым, то есть сразу нашла новое применение мужу: котлеты там всякие, жаркое... Не забывала и пуделя любимого подкармливать. А соседям говорила – к брату в Тамбов супруг уехал... да вы кушайте пирожки, кушайте!

– Слушай, жуть-то какая! – Иннокентий даже плечами передёрнул.

– Да-а-а уж, – согласился я. – Жуть. А вот почему наш-то город никогда по телевизору не показывают?

– А зачем тебе это? – спросил Па-ма.

– Вот, хочу, и всё! – сказал я, как отрезал.

– Для этого покойники нужны, – предположил Иннокентий.

– Да вон они! – я махнул головой в сторону окна. – По улице запросто ходят. Тот же Коля-партизан отважный, он же зомби натуральный!

Мы выпили по второй бутылке и пошли на третий заход. Прикуривали от плитки, потому как идти в магазин за зажигалкой никто не хотел: вот, если б за пивом... Па-ма сказал, что теперь мы будем скидываться ему за электроэнергию.

– Хорошенькое дело! – возмутился я. – Из-за того, что у тебя в зажигалке газ закончился, ты хочешь, чтоб мы скидывались. Я лично ниоткуда скидываться не собираюсь!

В общем, опять разговоры ни о чём. Долго ли, коротко ли, а пиво выпили всё. Что ж, наша с Иннокентием миссия в этом доме была выполнена и теперь мы, как тактичные люди, должны были оставить Па-му с Лизой, удалившись восвояси. И всё-таки вот так вот просто уйти мы не могли.

Я посмотрел на Иннокентия и прочёл в его глазах полное понимание. Он опустил голову и, печально вздохнув, сказал:

– Па-ма, к сожалению, нам нужны деньги, будь они неладны.

– Ну, не знаю... – Па-ма пытался быть ещё печальней. – Вообще-то, мне самому надо кое-что приобрести...

– Ой, нам нужны такие деньги, что просто смех! – заверил Иннокентий. – Сто, сто пятьдесят...

Но Па-ма почему-то не засмеялся, услышав сумму. Нет. Он был наоборот – преисполнен скорби.

– Через неделю, – вставил я, почувствовав критический момент.

– Ладно, – выдохнул Па-ма, сдаваясь, и тут же напомнил, как будто я уже забыл обещание. – Через неделю!

– Базара-нет-о-чём-спитч-в-натуре-корешок! – выпалили мы в одно слово страшную клятву Па-ме. Тогда он горестно усмехнулся и пошёл в комнату. Вернулся быстро, как и в прошлый раз. Только, вот, с солнышком его теперь никак нельзя было сравнить, ведь теперь в руках у него были деньги, которые нужно отдавать. Сто рублей перекочевали в мой карман, после чего я сказал:

– Жадина!

Мы с Иннокентием поднялись и молча пошли в коридор, одеваться. Перед тем, как уйти, мы сказали Лизе:

– Пока.

А Па-ме вполголоса наказали:

– Ты береги её. Хрупкая она.

И наконец отправились восвояси.

А свояси нас встретили, как этого и следовало ожидать, всё тем же холодным ветром да снежной крупой, безжалостно стегающей по лицу.

Перед нами были открыты двери всех магазинов города, торгующих спиртным. Что ж, есть столы – надо тратить, погода шепчет.

4

ЗВОНОК ДРУГУ

В воскресенье я проснулся вечером. И ничего тут странного, потому что лёг, кажется, утром. Вот если б я тем же утром и проснулся, то было бы действительно странно. Стольник, который мы с Иннокентием взяли в субботу у Па-мы, был нашим первым, а значит – не единственным в тот день займом. Да, суббота прошла лихо. Для начала курнули, и кто бы что не говорил после, а накрыло всех. Об этом можно судить хотя бы по тому, что прикуривали мы всё время от плиты, и никто из нас четверых не додумался стрельнуть спичек у того же дяди Фёдора, живущего на одной лестничной площадке с Па-мой.

Да, Па-ма был прав, сказав Лизе о том, что, когда мы курнём, в наших разговорах ничего не меняется. Неужели мы достигли nirваны? Нет. О какой nirване вообще могла идти речь после пятницы и субботы, с пивом и водкой перетёкшей в воскресное утро, которое, иссохнув до трещин на губах, обернулось вечером, жадно требующим, как ненасытный языческий божок, новых жертвоприношений. Но стоило ли, улаживая его, гневить то, что уже начинало ворочаться где-то там, за тёмным горизонтом. То, изначально существующее вне понятий, рано или поздно, неотвратимое, как рок, сонное и суетливое, разноголосое и многозвучное, дышащее вчерашним застольем и сегодняшней зубной пастой, являющееся обычно так некстати, неизбежное, зацикленное нечто, имя которому – два слова, где одно дополняет другое, принося фатальный смысл: утро понедельника.

Этим сказано всё.

Я щёлкнул ночником у себя над головой. По глазам резанул свет. В иное время его не достаточно, чтобы как следует осветить книжные страницы, а тут... Да-а, к понедельнику меняется многое. Например: к разбивающимся о дно кухонной раковины каплям воды, что срываются с крана, вдруг какой-то незримый шутник подключает сверхчувствительный микрофон, а в твою голову устанавливает динамики, подключенные через усилитель.

А неизвестно откуда берущаяся и неустанно твякающая, как заведённая собачонка под окном. А бакланы! Что творит эта сволочь летним, ранним утром понедельника, роясь в мусорных баках! А будильник, не приведи Господи, механический...

...Похоже, я несколько увлёкся, но клянусь: такие понедельники способны свести с ума кого угодно. И именно на утро такого я и настраивался.

Щурясь от света, я увидел рядом с собой, на табуретке, возле самой кровати стакан воды. Ой, какая умильная картина. Это, конечно, не бутылка пива, припасённая с пятницы, но всё же... Просто-таки трогательно: пьяный в уматень я, и тут такая забота, пусть не о чужом, но совершенно другом – похмельном человеке.

– Ай, спасибо тебе, мил человек, за стакан воды перед смертью! – поблагодарил я себя пьяного.

А ведь действительно, это же раздвоение личности: если я не помню, как набирал в стакан эту воду, если я вообще понятия не имею, как она здесь очутилась, и даже больше того: понятия не имею, как здесь, на этой кровати, очутился я сам. Значит, я собой не управлял, где-то отсутствовал. Но всё-таки, ведь кто-то руководил этим телом. Ох, как всё сложно!

Я взял стакан с табуретки и отпил половину. Не иначе святая – мыслилось мне, когда вода, смочив, словно оживила пересохшие рот и горло.

Я поставил стакан обратно и мне вдруг вспомнилась одна жизнеопределяющая фраза, которую мы с Иннокентием и Па-мой то ли услышали по телевизору, то ли кто-то из нас её во хмелю обронил. Истинного её происхождения не помнил никто.

Так или иначе, а фраза эта у нас прижилась: «У каждого своя табуретка». Практически: «Каждому своё». Это выражение неизменно ассоциировалось с импровизированным столи-

ком в квартире Иннокентия, которым большую часть своей незаурядной жизни служила деревянная табуретка. Она у него была предназначена не для подпираания задниц. Нет! Табуретку Иннокентия можно назвать лаконично – хозяйюшка. Всегда в центре внимания, кто хоть раз увидел – не забудет. Гостеприимная и хлебосольная, ну, по крайней мере – чем богаты, тем и рады. А, поскольку богаты мы втроем – в складчину да по отдельности, но всё же вместе, то, когда говорилось «у каждого своя табуретка», всякий из нас относил на свой счёт Иннокентину.

Но в тот воскресный вечер я впервые посмотрел на стоящую передо мной табуретку, как на свою: не очень лицеприятная, не очень обнадёживающая и даже слегка зловещая картина. На тонких, пусть металлических, но выглядящих всё равно ненадёжными ножках – мертвецки бледный пластик сидения. На нём – наполовину отпитый, гранёный стакан с водой, расположенный рядом с тикающим механическим будильником: такие в старых дурацких фильмах служат таймером для бомбы. И вот: тишина в комнате – и только отчаянный вой ветра за окном, да тиканье часов на холодном пластике.

«Так, хорошо, – подумал я. – Нужно, пусть мне и хреново, взбодриться хоть чуть-чуть. А, быть может, эта «чуть-чуть» каким-нибудь волшебным образом сейчас дожидается меня в холодильнике? Вчера ведь дожидалась! Тогда-то, конечно, я об этом помнил, теперь – нет, но тем радостней может оказаться сюрприз...»

Как спал: в трусах и одном носке, ёжась от холода, я быстренько направился к кухне – уже начинает бодрить. Включил свет, подошёл к холодильнику. «Ху-ху-у!» – выдохнул звук заклинания и открыл дверцу.

Хрен! Какая гармония: мне хреново, и там – хрен. Да и хрен с ним со всем! Захлопнул дурацкий холодильник и присел на ещё одну свою пропашую табуретку, – возле кухонного стола. На нём, как украшение, в самом центре стояла переполненная пепельница, две пустые рюмки и четыре грязные тарелки.

– Да-да! – припоминал я. – Накупили какого-то дерьма и готовили из него суп. Точно! Иннокентий готовил: из говна – конфетку. Вот обязательно надо было покупать всякое говно, чтобы делать из него конфетку!

Так же, на столе, в рассыпуху лежали пять сигарет. Я взял одну и прочитал – «СAMEL».

Меня начало поколачивать от холода, поэтому, прикурив, я пошёл одеваться. «Та-а-ак, курю – значит, настоящее похмелье ещё не наступило», – определил я. Облачившись в джинсы, шерстяные носки, водолазку и тёплый свитер, я сразу согрелся и вроде даже почувствовал себя несколько получше. Что теперь?.. А ведь завтра на работу... Мысли текли на уровне подсознания, в то время как сознание вышло покурить «СAMEL» и насвистывало незатейливый мотивчик – Фью-тю-тю, тю-фью-фью.

Когда сигарета была потушена, борьба между светлыми и тёмными силами в моей голове была закончена. Уж не знаю, кто победил, да только я направился к телефону, чтобы позвонить Па-ме.

– Говорит, но не показывает Макс, – представился я, когда услышал, что на том конце провода сняли трубку.

– А меня тут, две тётеньки ограбили, – сказал Па-ма.

– Чудик, какие тётеньки?! – хохотнул я. – Лиза с подружками?

– Одна такая длинная и худая, другая – маленькая, кругленькая, – пробурчал Па-ма, словно ябеда-ребёнок.

– Слушай, ты там с кем? – поинтересовался я и посмотрел на кухонный стол – вновь захотелось курить. Эх, не внимал я предупреждениям Минздрава: курение вредит вашему здоровью.

– Я сон видел, – начал нести Па-ма какую-то окоlesiцу, а я (длина телефонного шнура мне позволяла), всё так же держа трубку у уха, пошёл на кухню за сигаретой. Па-ма же продолжал: – Мне приснился партизан отважный Коля – сосед твой снизу, зомби...

5 ХЕППИ-ЭНД

...Сейчас я нахожусь в областной больнице. Лежу на скрипучей кровати и изучаю давно изученный мною и теми, другими, что лежали здесь до меня, белый потолок. Жизнь моя уже давно в безопасности. Пройдёт... нет, даже пролетит какое-то время, и меня выпишут. А коли так, значит, я буду здоров. Разве можно выписать нездорового человека? Боже упаси! Однозначно здоров, только, вот, теперь будут доставлять кое-какое неудобство уродливо скрюченные, как две высохшие ветки на мёртвом дереве, мизинец и безымянный пальцы на левой руке. А ещё, я тут полегчал. Конечно, в больничке люди особо не жиреют. Но тут другое. Радикальный метод борьбы с лишним весом – ампутация. Этот способ хорош для тех, кто ел, ест – не может остановиться, и будет есть. И, если вдруг понадобилось сбросить пару лишних килограммов, то ради Бога: просто отпили.

Или же для таких, как я: и так худой, а тут мода, а тебе сбрасывать нечего. Нечего? Дудки! Иди – пили.

Я избавился от лишнего мяса и костей, что росли почём зря ниже колен обоих ног...

И всё-таки, мне их немного не хватает: столько лет мы провели вместе. Мы ходили в детский садик, а потом сидели за одной партой в школе. Что-то теперь с ними стало? Похоронили в братской могиле? Нет. Их кремировали. Вот бы мне вернули их прах... Я бы держал его в своём новом доме (меня заверили, что он у меня уже практически есть) на самом видном и почётном месте в чёрной, торжественно-траурной урне. А раз в год устраивал бы поминки: приходили бы родные и близкие, друзья, знавшие усопших. Я ставил бы возле урны гранёный стакан водки и накрывал бы его куском чёрного хлеба, зажигал бы рядом свечу, и мы все вместе возлагали бы к праху цветы.

А потом я бы ездил по квартире на инвалидной коляске, держа поднос с разновсяческой закуской для собравшихся на коленях. Смотрел бы на всех снизу вверх, лавируя между ними, и старался бы не сбить никого с ног.

Вот такая пурга в моей голове. Тупые шуточки в виде идиотского сарказма над самим собой не иначе являются защитной реакцией моего подсознания. Молодец! Какой я умный. Конечно, пережить такое похмелье, да ещё лишиться ног. Это, знаете ли – стресс! А пальцы! Ну, ладно хоть на левой руке, а то как здороваться-то с приличными людьми...

Когда меня навестил Па-ма и дорассказал мне то, что не успел рассказать тогда, в воскресенье вечером по телефону – я был в шоке. Он же действительно говорил про моего соседа, живущего прямо подо мной – партизана отважного Колю. Я это помню! И я верю, что Па-ме действительно приснился, а скорее – привиделся этот долбаный снаряд на плите. Неужели мой сосед-зомби действительно нашёл его в мусоропроводе? Сука...

Я чуть-чуть не успел войти на кухню, поэтому и жив – говорят. Да, курение навредило моему здоровью.

Также Па-ма рассказал мне про Иннокентия. До сих пор не могу в это поверить. Знаю и – не верю.

С невесёлой усмешкой, как бы не всерьёз Па-ма напомнил мне про золотую рыбку, да только я видел по его глазам, что его сознание до сих пор не вышло из нокаута. С той самой минуты, когда эта несерьёзная мысль действительно впервые пришла ему в голову.

А ведь и в самом деле – всё сходится в довольно зловещую картину: Па-ма приносит и ставит на стол трёхлитровую банку с так называемой золотой рыбкой. Лиза сказала Па-ме, чтоб он загадывал желание. Он же развёл руками, сказав, что ему ничего не надо – вот и выставили у него хату. Всё сходится. Дальше. Иннокентий захотел в усмерть напиться, и вышло – в усмерть. Предполагают, что по «белочке» в окно выскочил... И – да! Точно! Па-ма требовал, чтобы мы

скидывались из-за того, что у него в зажигалке газ кончился. Я наотрез отказался, сказав, что скидываться ниоткуда не собираюсь, а вот Иннокентий, кажется, промолчал.

Что же касается меня... Я говорил что-то про то, что наш город не показывают по телевизору. Результат – мой дом в программе «Время». И меня даже хотели снять на камеру (ай да рыбка!), но мне такой славы не надо, спасибо врачам – отстояли меня от журналюг, пока я был без сознания: результат черепно-мозговой, знаете ли... Выходит, действительно: желания того вечера выполнены. После такого вывода радуется одно: рыбка у Па-мы издохла и была выкинута в форточку.

Мы наивно считали, что у нас троих – одна табуретка и, конечно же, были не правы, ведь мудрое изречение гласит: у каждого – своя. У меня вот она теперь изменилась: вместо мертвецки бледного пластика – траурная, чёрная кожа. А вместо тонких и ненадёжных на вид металлических ножек – надёжные колёса с ручным приводом.

Иннокентию – так тому табуретка вообще больше не нужна. А вот как дела обстоят у Па-мы – точно судить не берусь, мне отсюда не видать. Не вынесли ли ему тётеньки вместе с барахлом и чердак? Я же говорил уже про его глаза...

И вот, что ещё бы мне любопытно было бы знать: как обстоят дела у Лизы? Я спрашивал про неё вскользь у Па-мы, а тот словно и не понял про кого речь. Пожал плечами рассеянно и сказал:

– Да кто её знает...

Вроде как, в тот памятный вечер она возжелала шустрого старичка. Если учесть те перегибы и заносы, с которыми исполнились наши желания – пропала девка.

ТРИ ИЗ ТЫСЯЧ

В трубопроводе засуха
Нет воды,
Грязная сковорода уползла
Из раковины.
Ни ручек, ни ножек
Нет у неё,
Но всё же ползёт,
Несмотря ни на что.
Изловчился, поймал сковороду —
Узнал в чём секрет:
Новую жизнь миру явил
Мой прокисший обед.
Бегать посуда стала
Из-за лапши —
Шустрые в ней завелись
Опарыши.

I

1

Двадцатидевятилетний Сергей Трескачёв проснулся в своей освещённой, как операционная, квартире. Прямо спи – не хочу! Повезло с жильём. Солнечная сторона! Полярным летом, аккуратно ночью, яркие лучи бьют в глаза. Тут шторы бетонные нужны. Жизнь – дерьмо, сомневаться не приходилось.

Но настроение Сергея испортилось ещё до того как он проснулся. Ему приснился какой-то гадкий сон. О чём, он не помнил. Воспоминания о сне были выжжены ослепительным солнцем. Суть стёрлась. Какое-то очень короткое время в памяти оставались непонятные тени, но и они быстро растаяли в ярком свете. Тени-то растаяли, а вот раздражение, ими вызванное – нет. И от того, что раздражение сделалось необъяснимым, становилось ещё более пакостно. А тут ещё это солнце!

Сергею захотелось что-нибудь разбить. Будильник на тумбочке, со словно насмехающимися стрелками, указывающими в какую рань он, идиот, проснулся. Или саму тумбочку – за то, что на ней стоит этот будильник. Или ещё чего-нибудь. Но за всё это что-нибудь, находящееся поблизости, Сергей когда-то платил деньги. И выходило совсем уж как-то глупо теперь это крушить. Да ещё после идти вновь покупать это что-нибудь. А то ж придут гости и спросят:

– А что это у тебя вся мебель переломана?

А Сергей им:

– Да так, понимаете ли, солнце в окно светило, что я и вспылел.

И всё. И без того редкие гости и вовсе престанут к нему заходить. Если Трескачёв такое сотворил с вещами, за которые платил деньги, то что же он может сделать с бесплатными гостями!

Поэтому Сергей, стиснув кулаки под одеялом, ограничился тем, что выплеснул свои негативные эмоции совершенно безвредным, но чрезвычайно злобным рычанием. После такого точно не уснёшь! Осознав это, Трескачёв ещё раз прорычал, точнее – взвыл с досады. Откинув одеяло, он быстро поднялся с постели на ноги. Холодно. Лето, не топят. Топят зимой. Точнее, подтапливают, чтоб жильцы не вымерзли. И за это деньги дерут. Коммунальщики хуже керосину. Сергей знал парня, у которого в ванне бельё замёрзло. А другого разводили на бабки за пользование лифтом. Копейки, но какой цинизм. Жил-то он в пятиэтажке! А с ним самим что за номер коммунальщики устроили несколько лет назад...

Уехал как-то Сергей в город соседний недалёкий, да и загостился там на пару-тройку дней. Вернувшись, домой не поспешил. Зашёл с начала к другу – поделиться впечатлениями, от которых голова буквально раскалывалась. Тогда к другу ещё один тип заглянул. Точнее, он сказал, что заглянул так, раскуриться на пару минут. Но скребущий горло дым изменил ход времени, и пара минут растянулась до позднего вечера. С раскуриванием у Сергея произошёл явный перебор. Друг наматывал на нос длинные волосы и оживлённо обсуждал что-то с тем типом, давась смехом. Они перебивали друг друга, отчаянно жестикулируя. Тарахтели как заведённые: «траля-ля-ля». У Сергея от этой чехарды возгласов и движений закружилась голова. Он стал бледен, как покойник, – заметили приятели и чуть со смеху не лопнули, а Трескачёву захотелось спрятаться под диваном. Накрыть там поплывшую голову подушкой, попробовав спастись от карусели, в которую превратилась прокуренная комната. Не в силах это долее выдерживать Сергей поспешил покинуть квартиру, пока карусель не превратилась в центрифугу.

Наспех одевшись и невнятно попросившись, выскочил на лестничную площадку. Спускаясь со второго этажа, он тщательно застёгивал на куртке молнию и три пуговицы. Мысленно, как опытный штурман, продумывая в это время в деталях, чуть ли не по шагам, весь свой путь до дома. Когда Трескачёв вышел на морозную улицу, расчёты были завершены. И вывод однозначен – где-то на полпути необходима передышка. А не то возможен перегрев и сбой в системе навигации. Будут потом патологоанатомы ковыряться в чёрном ящике...

Остановка была намечена у давнего знакомого. Когда Сергей увидел его светящееся окно на последнем, пятом этаже, оно показалось ему маяком, сообщающим, что спасительный берег близко. Подъём по лестнице был утомительным. Трескачёв шёл, словно против движения эскалатора. И, когда он поднимался на один этаж, у него складывалось впечатление, что там, наверху, выросла другая. И что он так и не достигнет всё время отдаляющейся вершины. Но Сергей добрался. И был просто счастлив видеть дверь, обшитую красным дерматином. Он протянул руку к кнопке звонка и обратил внимание на тёмный глазок. А может, он с улицы окна перепутал? Кто их разберёт, после такого-то вечера...

«Дзи-и-инь!» – Трескачёв нажал кнопку.

«Ну же, ну...» – прислушивался Сергей и – о, святые угодники и не святые не угодники тоже – о! За дверью послышались шаги, и через секунду глазок загорелся тёплой жёлтой точкой.

Они о чём-то поговорили, сидя на кухне. И Трескачёв, то ли от общения с вменяемым человеком, то ли от чая почувствовал себя гораздо лучше. Но всё же он догадывался – это обманчивое ощущение. Сергей был словно пловец в беспокойном океане: сейчас он поднялся на гребень волны, а в следующее мгновение его вновь швырнёт вниз. И, стараясь держаться на этом пике как можно дольше, Трескачёв, попросившись, поспешил домой.

Пока Сергей делал передышку, погода несколько ухудшилась – поднялся ветер. Он дребезжал уличными фонарями, к свету которых так привыкает население севера в полярную ночь, когда продолжительность дня равна фотовспышке. Люди перестают обращать на этот свет какое бы то ни было внимание. Фонари, как нечто естественное, природное, само собой разумеющееся без всякого пафоса светят людям, копошащимся внизу, под ними, словно кроты – без дневного света. Трескачёв едва увернулся от летящей ему в лицо скомканной газеты. Та, отчаянно шурша, пролетела мимо (подумать только – здесь даже лист скомканной бумаги в отчаянье... Пропавший город!).

Вот и мусорные баки, похожие на изуродованные трупы неких фантомов, выпотрошенных маньяком-ветром, с раскиданными вокруг внутренностями. Убитые контейнеры терзали собаки-падальщики, необязательно бездомные, роющиеся тут в любое время суток вместе с такими же, не всегда бездомными, но более запуганными, облезлыми людьми. Сергей наконец подошёл к дому, где снимал квартиру. Ах, дом, милый дом! Как гласят поговорки, он – крепость; в нём лучше, чем в гостях; и, в конце концов, он был действительно с краю. Дальше – только заснеженные сопки, по которым в то время могли бродить разве что голодные зайцы да озябшие росомахи.

Сергей открыл скрипучую дверь подъезда, и этот скрип слышался ему триумфальным маршем победителю, вернувшемуся из тяжёлого и дальнего похода. Только вместо фанфар были несмазанные петли и ржавая пружина. Но за этой помпезностью последовал предупредительный выстрел захлопнувшейся за спиной двери. Тут же подъезд объяла тьма – лампочек не было. Трескачёв почувствовал – ему больше не удержаться на гребне волны, и он, отыскав ногой, где начинаются ступеньки, поспешил к своей съёмной квартире, благо, находящейся на первом этаже, на ходу доставая ключи. Привычным поворотом открыл замок.

Быстрее, быстрее, пока его действительно не швырнуло вниз, подмяв под себя невидимой волной. Сергей распахнул дверь и шмыгнул в погружённую во мрак квартиру. Он скорее перескочил, чем переступил порог, и...

...И провалился! Его накрыло ощущение нереальности. Сергей ничего не видел, и сама темнота закружилась у него перед глазами. А в нос ударил зловонный тухлый запах. Он оглянулся в сторону лестничной площадки и различил в призрачном свете улицы, проникающем через окно пролётом выше, контуры ступенек и перила. Трескачёв смотрел на них с неестественно низкой точки, словно темнота вновь сделала его малышом. Сергей снова посмотрел во мрак квартиры, и ему стало по-настоящему страшно. Должно быть, невидимая волна накрыла его так сильно, что он начал сходить с ума. Сергей бессознательно попытался попятиться прочь, но тут же упёрся во что-то задом. И только сейчас понял, что и руки его тоже упираются во что-то! Трескачёв провёл ими перед собой и неожиданно определил, что это – доски пола. Он каким-то образом провалился в подвал! Чёрт, неужели в этих пятиэтажках такие неглубокие подвалы?.. Сразу под досками пола! И что это за вонь?

Воспалённая фантазия тут же явила скрюченные пальцы зомби, рвущиеся из подвальной могилы к его ногам. В животе у Трескачёва всё опустилось, а волосы на затылке буквально встали дыбом. Он выскочил из провала и истерично хлопнул ладонью по выключателю на стене. Прихожая наполнилась светом. Пол у самой входной двери был разобран.

После Сергей узнал, что, пока его несколько дней не было, под коридором прорвало трубу с горячей водой. Да так, что пар в подъезде стоял душной завесой. Коммунальщики разыскали хозяйку, сдававшую квартиру Трескачёву, и заменили трубу, тянущуюся от прихожей до туалета, где вокруг уходящих вверх трубопроводов заодно раздолбили бетонный пол – прямо возле унитаза.

Увидев оставленное ему безобразие, Сергей, впрочем, облегчённо вздохнул: в туалете зомби не оказалось. Но откуда так прёт мертвечиной? Не разуваясь, он прошёл на кухню, нажав по выключателю и тут. Вонь, вроде как, усилилась. Трескачёв открыл холодильник и его чуть не вырвало. Тут же захлопнув дверцу, он выбежал отдышаться на лестничную площадку.

Чёрт! Это мясо. Перед отъездом, опасаясь прокутить все деньги, Сергей купил великолепной свинины и говядины. Чтоб после гулянки на бульонных кубиках до полочки не сидеть. Затарил морозилку и подключил к сети обретший смысл холодильник. После сразу и уехал. В автобусе, правда, кольнула тревога: на кухне две вместе расположенные розетки, и из одной иногда вилка выскакивает. Но Трескачёв отогнал опасение прочь. Ведь он слышал, как холодильник заработал. Сразу не выскочила, так почему выскочит позже? И потом – может, он воткнул вилку в правильную розетку?..

Оказалось – в неправильную.

Вместо того чтобы упасть на тахту и уставиться в телик, отходя от дел грешных, Сергею пришлось сгрести тухлятину в пакет и тащить её на помойку. А затем, проветривая квартиру, отмывать холодильник.

– Почему я не деньги отмываю? – вздыхал Трескачёв, выжимая тряпку.

Управившись с неприятной вознёй, Сергей-таки, погасив свет, завалился на тахту перед бубнящим телевизором. И тогда пришли крысы.

Из подвала. Через туалет, совмещённый с ванной, крысы пробирались... нет, свободно проходили через дыру в стене вокруг труб. На кухню. А двери в ту кухню не было. Так что проход оказался открыт. С недельку. Потому как коммунальщики не спешили заделывать дыры. Оно ж не горит! Точнее – не парит.

Трескачёв был вежлив, потом зол, а, когда рабочие не пришли и в пятницу, и пришлось ждать ещё два выходных дня – взбешён! Ведь как было: начальница шарашкиной конторы, глядя на Трескачёва добрейшими глазами, заверяла, что сегодня же, во второй половине дня придут рабочие и заделают дыры. Наступает вечер, но кроме соседа, стрелявшего сигаретку, в дверь никто не звонит.

А ночью Сергей просыпается от ощущения чужого присутствия. И не сразу различает в темноте притаившуюся на стуле у самой постели крысу. Она сгорбилась возле тикающего

будильника. Ночной кошмар, когда забываешь о том, что ты взрослый. Когда осознание материального мира ещё вытеснено колдовством сна, где возможно ВСЁ. Древние страхи далёких предков. Костёр угас, и в пещеру прокрался голодный хищник. Выбрался, и наверняка не один, из подземного логова. Через дыру возле унитаза.

«Уроды!» – вспомнил о работягах Сергей.

И, всё ещё холодеющий от страха, но уже в ярости выхватил из-под головы подушку и швырнул её в серогорбого пришельца. Мерзко пискнув, крыса успела соскочить на пол. Подушка сшибла будильник, опрокинув заодно и стул. Трескачёв вскочил на ноги, хлопнув по выключателю на стене. Больше этой ночью он не спал.

А утром пошёл на работу и весь день зевал так, что один коллега, заглянув ему в рот, позавидовал:

– Такой хлебрезкой булку бы нарезать.

На следующий день Сергей опять отпросился с работы. И все повторилось. И добрейшие глаза начальницы, и даже сосед – единственный, позвонивший в дверь. И крысы, начинающие шуршать по квартире, чуть наступает тишина.

Дыру в коридоре Трескачёв просто заложил половыми досками обратно, а вот с пробойной в туалете ничего поделаться не мог. Плотно заложить её в тесном пространстве меж унитазом и стеной, с учетом уходящих вверх двух труб, неожиданно оказалось задачей невыполнимой. Крысам было достаточно даже малейшей щелочки. Такая же беда вышла и с дырой в стене на кухню. Так что просто изолировать пришельцев в туалете не удалось.

Не пришли коммунальщики и в пятницу... Сергею пришлось жить с крысами все выходные. Благо квартира была двухкомнатной, и Трескачёв, вроде как заключив сепаратный мир, закрывался на ночь в маленькой комнатке, оставляя большую территорию во власти агрессора. Засыпая, он слышал, как крысы бегали у самой двери и даже начинали грызть её. Тогда Сергей напоминал им, что он не какой-то беззащитный хомячок. Он, мать их так, венец природы из семейства людей! И кричал матерно, стуча кулаком в стену. Трескачёв толком так не спал. А когда ему всё ж удавалось забыться...

Вот он вламывается в коммунальную шарашку с молотком и разносит там всё вдребезги. Конторская шушера, спасаясь, выскакивает в окна. У двери чёрного хода в панике возникает визжащая, давящая друг друга пробка из человеческих тел.

– А-А-А-А!!! – яростно кричит Сергей и ударом молотка прошибает дыру в стене.

– Ви-и-и-и-и!!! – жалко визжат коммунальщики, безнадежно трамбуясь в пробке.

Трескачёв – практически Терминатор, крушащий полицейское управление. Возникшие в руках шестиствольные пулемёты изрыгают огонь и разносят в клочья визжащую пробку, делая из дверного проёма дыру под габариты грузовика. Сергей убирает пальцы с курков, и в оглушительной тишине звенят о пол последние гильзы. Пороховой дым плывёт над изрешечёнными трупами. На окровавленные тела, кружась, планируют сбитые пулями со столов бумаги. Это оставленные без внимания заявления. Они ложатся на трупы и пропитываются кровью офисного планктона. Один из них ранен. Некогда белоснежная рубашка вся в красных пятнах. Он, хрипя, ползёт через трупы к обрушенной стене.

– Я вернусь, – с терминаторским акцентом говорит Сергей, и ударом ноги срывает с петель дверь в уцелевший кабинет. Вроде как, он пуст, но Трескачёва не проведёшь. Он нутром чует! Сергей тактично стучит в дверцу шкафа ножом бензопилы, вкрадчиво спрашивая:

– Кто-кто в теремочке живёт?

Тишина. Тогда Трескачёв заводит пилу, и та с пронзительным рёвом как по маслу расчленяет дверцы на обрубки. А когда мотор затихает, Сергей слышит, как стучат со страху зубы у пожелтевшего от опилок, спрятавшегося в шкафу работяги. Трескачёв видит его впервые, но точно знает: этот тип не хочет заделывать дыру в его полу. И именно он её проломал.

– ПОВИНЕН. Виновен. Приговорен к смерти, – заключает Сергей.

- Нет! – взвизгнул работяга.
- Да, – Трескачëв стоял на своём.
- Нет!
- Ах, так ты пререкайся!
- Возьми всё, что у меня есть, – пролепетал работяга и достал из-под фуфайки чекушку.
- Этого слишком мало, – сказал Сергей, забирая пузырьк.
- Я ещё сбегаю!
- На чём? – усмехнулся Трескачëв и завёл бензопилу.

Выйдя на улицу, он пошёл по дорожке, скрипящей снегом. Остановившись у расстрелянной им стены, прикурил сигарету и кинул обгоревшую спичку на крошево кирпича. Из пролома, хрипя, выполз раненый планктон.

– Извини, земля, погорячился, – сказал, присаживаясь на корточки Сергей. И, достав из кармана куртки чекушку, сорвал пробку и протянул её раненому.

Тот, сделав пару глотков, крякнул от удовольствия, утёр рот, и сказал:

– С кем не бывает.

Затем, сев на битый кирпич, попросил сигарету.

В понедельник утром Сергей вновь пошёл к коммунальщикам и закатил скандал. Женщина с добродушным взглядом в очередной раз заговорила о второй половине дня, и Трескачëва буквально бес попутал. Он вышел из шарашкиной конторы на мороз, хлопнув дверью. На свежем воздухе Сергей начал успокаиваться, а, придя домой, с удивлением и даже волнением обнаружил, что не помнит: чего конкретно там орал. Помнил, как смахнул со стола женщины с добродушным взглядом какие-то бумаги, а те, разлетевшись, веером попадали на пол. Помнил лысого мужичонку, которого чуть не сшиб с ног, выйдя из кабинета. Вроде, Сергей прокричал ему: «Изничтожу!» Или только кажется, что прокричал, а на самом деле сдержался?.. В общем, воспоминания были, как о плохом и плохо запомнившемся сне.

А во второй половине дня раздался звонок. Естественно, это был сосед. Облик трагичен, и отказать в сигарете – всё равно, что добить раненного товарища.

– Пошёл в жопу, – скорбно вздохнул Сергей.

И тут за спиной соседа появились два мужика. Работяги! Постарше – тот, что в шкафу от бензопилы прятался. А подмастерье – раненый офисный планктон. Трескачëв был рад видеть их живыми и здоровыми. Сосед получил несколько сигарет, а коммунальщики принялись заделывать дыры в полу.

Почему он их сам не заделал? Ведь можно было найти несколько гвоздей для пола в коридоре и купить цемента, чем терпеть крыс. Может быть... Но в те времена практически везде задерживали зарплату. Занять было не у кого. А у Сергея просто-напросто не было денег... И вообще – какого чёрта!! Если все это коммунальщики должны сделать сами, просто обязаны!

2

Сергей надел рубаху и, натягивая спортивные штаны, подумал: «Есть ли у коммунальщиков профессиональный праздник? В такой день и мне не грех выпить».

Трескачëв пошёл на кухню и включил электрический чайник. Хорошо всё ж иметь свой дом. Эту квартиру он снимал, но вот согласился, неделю назад, купить ее у хозяйки за две зарплаты. Городок закрытый, с работой неважно, до Мурманска далеко, вот люди и уезжают. Кто продаёт квартиры, кто муниципалитету сдаёт. Тут появилось достаточно пустующих, законсервированных домов. Так что и цена на квартиры была смехотворна.

Сергей, прикулив сигарету, посмотрел в окно с высоты своего восьмого этажа на залитую солнцем, но всё ещё спящую улицу. Хотя, какая там спящая! Пусть уже и не ночные часы, а

самые ранние, когда праведникам вставать ещё рано, а не праведников, по идее, как раз должно укачать от дел грешных, но ведь солнце-лето! И пусть сегодня не выходные. Если сейчас пройти по улице, она не покажется такой уж сонной. Из какого-нибудь раскрытого окна послышится музыка; а из-за дома, где трава, кусты, деревья и камни, донесётся пение нетрезвого хора. И на лавочке, о чём-то споря или наоборот – смеясь в полном согласии, будут сидеть молодые люди с пивными бутылками. Уберегут от заблуждения о всеобщем празднике матерные крики из-за угла и тип, спасающийся бегством; возможно – от собутыльников.

Так что спящей улица только казалась. Вон, вдалеке штурмом берёт горку, в которую круто пошла дорога, одинокий путник. Хотя и сказано: дорогу осилит идущий, в данном случае это не факт. Да и не совсем он идущий, скорее – мотыляющийся-спотыкающийся. Вот, когда уж полгоры осилено, человек обо что-то запинается: может, о камень, а может, о собственную ногу, и падает на асфальт. Хорошо руки не в карманах были – Сергей видел, как мужик ими взмахнул, а то ведь так и вдребезги можно расшибиться. Упав, путник затих. Дух переводит или уснул?

В этот момент, как предвестник беды, перед самым окном Сергея пролетел баклан со свисающим из клюва, мотыляющимся в потоках воздуха – почти как только что мужик – коротким шнурком.

«Не к добру», – решил Сергей. Но увидел, как мужик поднялся на четвереньки и, когда Трескачёв уже подумал, что тот таким образом и двинется дальше, путник вернул себя хоть и в безусловно шаткое, но всё ж более достойное, вертикальное положение.

Какова цель этого нелёгкого и даже опасного перехода? Завтра путник и сам о ней не вспомнит. Останутся лишь логические догадки: шёл домой; за деньгами; продолжить. Это могут быть три разные цели, а могут оказаться и составляющими одной. Пьяный – он как Бог, его пути неисповедимы.

Сергей потушил сигарету о дно пепельницы, и в это время щёлкнул кнопкой вскипевший чайник. Трескачёв собрался в ванну умыться и вдруг, глянув в окно, неожиданно увидел там, на пике горки, усиленной идущим, милицейский «уазик». Из него выскочил милиционер и произвёл задержание уж готового перевалить на ту сторону горки путника.

Через минуту «уазик» увозил так упорно стремившегося – домой; за деньгами; продолжить – бога в противоположную сторону от его неисповедимой цели. Всё ж баклан действительно оказался предвестником беды. Сергей вспомнил свисающий из клюва шнурок и вдруг понял, что это был крысиный хвост.

«Может, это не ветер его мотылял, а сама крыса была ещё жива? Ф у, гадость, какая!» Видел он подобное в Мурманске, на остановке у «Семёновского». Собака изрыгнула что-то живое под ноги влюблённой парочке на скамейке. «Вспомнил пол раздолбанный – вот и чудится. Впрочем, что пол, с милицией тоже весёлый случай имелся...»

Дело было года за три до провала в подвал. Опять-таки, когда Трескачёв снял квартиру. В тот раз в Мурманске. Решил тогда Сергей отметить это дело с друзьями, коих набралось не мало. Не тьма конечно, тьмушая, но дым коромыслом; но общение скучкованно по два-три человека; но кто-то перебрался на кухню, и ванна занята.

Разошлись утром – часов в девять. С Сергеем осталась лишь знакомая со вчера Света, да на кухне успевший вернуться, когда все расходились, друг Рога со своей Полиной.

Когда Трескачёв со Светой, покинув комнату, прошли на кухню, магнитофон на холодильнике мотал-озвучивал кассету «Slayer». Полина в незнакомой Свете почувствовала возможную союзницу и затрясла друга за рукав:

- Может, есть что повеселее?
- Есть, – кивал головой под музыку Рога. – Следующая песня.
- Ну, Рожки! – не унималась Полина.
- Да ты ведьма! – отдернул руку Рога.

Махнув на него, Полина обратилась к Сергею, косясь на несколько кассет, лежащих на столе:

– Есть что-нибудь ещё?

– Ещё, Слэера? – удивился Сергей. – Всё мало нам, да мало. Нет, это единственный альбом. Зато свежак, панковский. Наслаждайся.

Посмотрев кассеты на столе, Света и говорить по поводу смены музыки ничего не стала. Полина ж не унималась:

– Давайте тогда «Offspring».

– Ой, не о том канючишь, – вздохнул Рога. – Напитки закончились.

– Что? – удивилась и возмутилась от такого обращения Полина.

– Вот именно! Что?! – воскликнул Рога. – Что делать?! Всё выпито. Цивилизация летит в пропасть. Мир катится к чертям. Неужели не осталось ни одной бутылочки?! Неужели это конец? Планета, и мы с ней, исчезнем навсегда, провалившись в тар-тарары. Ой, не хочу в тар-тарары! И вам не советую. В тар-тарарах так паршиво, что самый паршивый паршивец от паршивчиков паршивым воем воет.

Пока Рога показывал, о чём канючить надо, Света подошла к магнитофону и выключила его.

– Ух, ты... – отвисла челюсть у Рогов.

– Давайте лучше совсем без музыки, – сказала Света.

– Давай лучше совсем без глупостей, – предложил Рога.

– Не безобразничай, включи песенку обратно, – сказал Сергей.

– Не-е-е-е-т! – закапризничала Света.

Тогда Трескачëв встал, его слегка качнуло.

– Треска, не надо тут кровавую баню устраивать. Здесь дети, – Рога кивнул на Полину.

Сергей подошёл к магнитофону и, нажав кнопку «PLAY», погрозил пальцем Свете – не шали. Но только он, было, вернулся на место, как музыка вновь умолкла. Света извлекла кассету из магнитофона и, словно бестолковый фантик, зашвырнула её в форточку. Алкоголь не повлиял на её координацию, и «SLAYER» благополучно вылетел на улицу с седьмого этажа.

Полина напряжённо посмотрела на Сергея. Тот сказал:

– А чё не с магнитофоном вместе? Давай вообще всё на хрен повыкидываем.

Он вlepил девушке щелбан, испытывая сильное желание дать подзатыльник. Света, ойкнув, схватилась ладошкой за лоб. Сергей же вновь пригрозил пальцем:

– Вернись, коль не перестанешь безобразничать – в угол поставлю. – Пройдя в коридор, добавил: – На весь день.

Сергею хотелось проветриться после бурной ночи. Кассета ж, оставалось надеяться, упав в сугроб под окнами, цела.

– Как жить-то дальше? – спросил Рога, когда Сергей обулся.

– По совести, – ответил Сергей. «Заодно в магазин прогуляться, дабы Мир спасти от тар-тараров», – подумал он, выходя на лестничную площадку.

Расстегнув карман на груди косухи, Трескачëв обнаружил в нём ворох денег. Усмехнувшись, он проверил внутренние карманы – ещё два вороха крупными купюрами. Это были все отпускные, которые он так и не спрятал под ванну.

Сергей открыл скрипучую дверь подъезда и зажмурился от ослепительно яркого апрельского солнца. Щурясь после полумрака подъезда, он направился к краю бетонного крыльца, в сторону, куда выходили окна квартиры. При этом глянув на трёх милиционеров в паре метрах от него, каких-то людей в штатском, и милицейскую «буханку» за их спинами.

«Что за сборище? – подумал Сергей и заметил благополучно лежащую у оградки газона, видать, скатившуюся с сугроба невредимую кассету. – Интересно, видели ли менты, как она упала?»

– Ты откуда? – вдруг спросил один из милиционеров и шагнул к Сергею.

Тут-то Трескачёв и обратил внимание на стоящую перед кассетой легковую машину с разбитым задним стеклом.

Сергей кивнул назад, чистосердечно признаваясь:

– Оттуда.

– Ты там живёшь?

– Нет, – ответил Трескачёв, решив не говорить про съёмную квартиру.

– Паспорт есть?

– Есть.

Посмотрев и не возвращая документ, милиционер спросил:

– А здесь чего делаешь?

– Гуляю.

– В подъезде?

– Замёрз; перекурил; погрелся.

«Ой, какая чушь! – мысленно плевался Сергей. – Сейчас скажет, что я подъезд обоссал».

– Да он пьяный, – сказал один из подошедших милиционеров.

И тут: наручники на запястья, к машине – поднять руки. Обыскали. Залезай!

«Это возмутительно! За что ж сразу в кандалы?! – в мыслях воскликнул Сергей. – Я буду жаловаться! Рогам».

В «буханке» сидело ещё три парня его возраста. Их повезли в отделение милиции. Оказалось, что кто-то выкинул из окна винную бутылку и разбил ею заднее стекло частной машины милицейского начальника.

Пока их везли, Трескачёв прикинул:

«Раз уже поехали, значит, менты взяли кого надо, и квартиры обходить не станут. Его хату не спалили, и он идёт, как случайный бухарик. Так что, крутить пацанов будут, а он явно не при делах. Ребятки бутылкометатели вроде с пятого этажа. Ну, да поделом им».

В ОВД с них сняли отпечатки пальцев и продержали в камере часа четыре. Там Сергей, расположившись на скамейке, вздремнул, пользуясь случаем.

Из камеры его вывел совсем молодой милиционер, которому явно было омерзительно находиться рядом с таким отребьем, как Трескачёв. Он кривил румяное лицо и говорил: «Пшё-о-ол!»

В кабинете ж, за столом, милиционер средних лет наоборот – был бледен, говорил коротко, чётко, ясно. Впрочем, радости при виде Трескачёва он тоже не испытал.

Вопросы звучали, словно нашкодившему обормоту: зачем столько денег с собой? Зачем в подъезд заходил? С кем пил?

«Получку получил. На рынок ходил (пять минут пешком от съёмной квартиры), вещи присматривал. С другом выпили по ходу, после разошлись. С подъездом ошибка вышла, адрес приятеля забыл, так и не нашёл. Вышел – там ни с того ни с сего задержали», – складно отвечал Сергей.

– Таких дустов ни с того ни с сего не задерживают! – выплюнул фразу молодой милиционер, перебарывающий омерзение, продолжая находиться рядом с Трескачёвым.

«Вот ведь тонкая душевная организация! Не мент, а песня журавлиная. А его хлоп, и с быдлом пьяным в одно помещение», – «посочувствовал» молодому Сергей.

Бледнолицый за столом, отложив ручку, сказал коллеге:

– Толя, можешь идти, я уж сам тут.

Молодой хотел что-то сказать, но, перехватив взгляд старшего, молча вышел.

– Пересчитайте, – бледнолицый выложил на стол мятые деньги Трескачёва.

Он пересчитал. Где-то так. Сергей не то, что точно не знал суммы, он даже не помнил, сколько купюрных ворохов было по карманам.

Затем, не читая, Трескачёв расписался в протоколе и спросил:

– А квитанция на штраф?

– Мы с вас уже удержали.

«Да и нормально, – подумал Сергей. – Пусть они в свой карман, зато скромно, да и мне без заморочек. А уж коль и шнурки вернут...»

Отдохнувший на скамейке в камере Сергей вышел из ОВД бодрячком. До дома минут пять ходу, и Трескачёв, жмурясь на солнце, не спеша направился к магазину. Там купил бутылку пива для себя и пару литров водочки домой. А то ж скупой бегаёт дважды. На закуску солёных огурчиков – похрумкать, жирной скумбрии, ветчины, хлеба и добрый кусок мяса на жарёху. Таковы были предпочтения в зарождающемся похмелье. Выйдя из магазина, Сергей открыл пиво зажигалкой, по традиции оцарапав указательный палец о пробку и, закурился, пошёл домой.

В квартире он застал только Рога. Тот сидел на кухне и брынькал на двух уцелевших струнах гитары, пылившейся в съёмной квартире. Безобразным голосом он душевно пел: «Светит месяц, светит ясный...»

– Где девки-то? – спросил Сергей Рога, проходя с яствами на кухню.

– Я их выгнал. – Тот прекратил пение и отложил гитару. – Не, ну, а хрен ли они!?

– И в самом деле, – согласился Сергей.

Уже после третьей рюмки, рассказав, что с ним произошло, Трескачёв усмехнулся:

– Всё ж надо было сказать про квартиру, может, и вовсе б не забрали.

– Ага! – кивнул Рога. – Тогда вообще могло бы оказаться, что бутылку в окно кидал именно ты.

– Тоже верно.

– А что, кассета-то цела?

– Это через четыре часа-то? – усмехнулся Сергей. – Со «SLAYER'ом»? Да за такое время бобину с записью твоего голоса утащат.

3

Зайдя в ванную, Трескачёв открыл кран холодной воды. Тот, немного похрипев, благополучно умолк, выдавив из себя капли три. Сергей проделал то же самое с горячей водой. То же самое и она проделала с его ожиданиями, хрипло выдавив три капли.

«Замечательно! А зачем ночью вода? Ночью люди добрые спят или на работе. А недобрые обойдутся».

Сергей вернулся на кухню. Там была полная раковина грязной посуды.

«Вот пусть тебя добрые люди моют», – ухмыльнулся Сергей.

Благо, воды был полный чайник. Трескачёв достал из настенного буфета пакетик с двумя печенюшками. Не богато, но лучше, чем с водой из крана.

«А ведь сейчас кому-то и спирт разбавить нечем», – подумал Сергей, с удовольствием наливая себе чай.

– Закрыты давно ларьки! – послышался через открытую форточку раздражённый девичий клич.

«Тоже мне новость, лучше б погоду передавала», – хмыкнул Сергей, выглядывая в окно.

Внизу, недалеко от его подъезда, какая-то девица тащила за рукав парня. Тот пытался освободиться от цепких рук, но как-то уж больно нерешительно. И что-то при этом негромко говорил. Даже, похоже, мямлил.

– Домой пошли, скотина! – скомандовала девица.

И без того не бравого вида парень, и вовсе поникнув, поплёлся телком в загон.

«Во, оторва! – сплюнул чайнку на подоконник Сергей. – Если б не солнце, то она точно разбудила б своим криком. На костёр ведьму!»

Трескачёв уселся на табуретку и, откусив печенюшку, подумал о путнике, штурмовавшем горку:

«Шел, как умел, никому не мешал, а его под белы рученьки, да айда. Лучше б ведьму упекли. А бедолага тот не шумел, за пределы тротуара не выпадал и не имел ни какой физической возможности причинить кому-либо вред. Агнец. А его – в кутузку. Впрочем, может, не так он и прост. Пьяный – он ведь и для себя загадка. Протрезвеет и столько интересного про себя узнаёт...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.